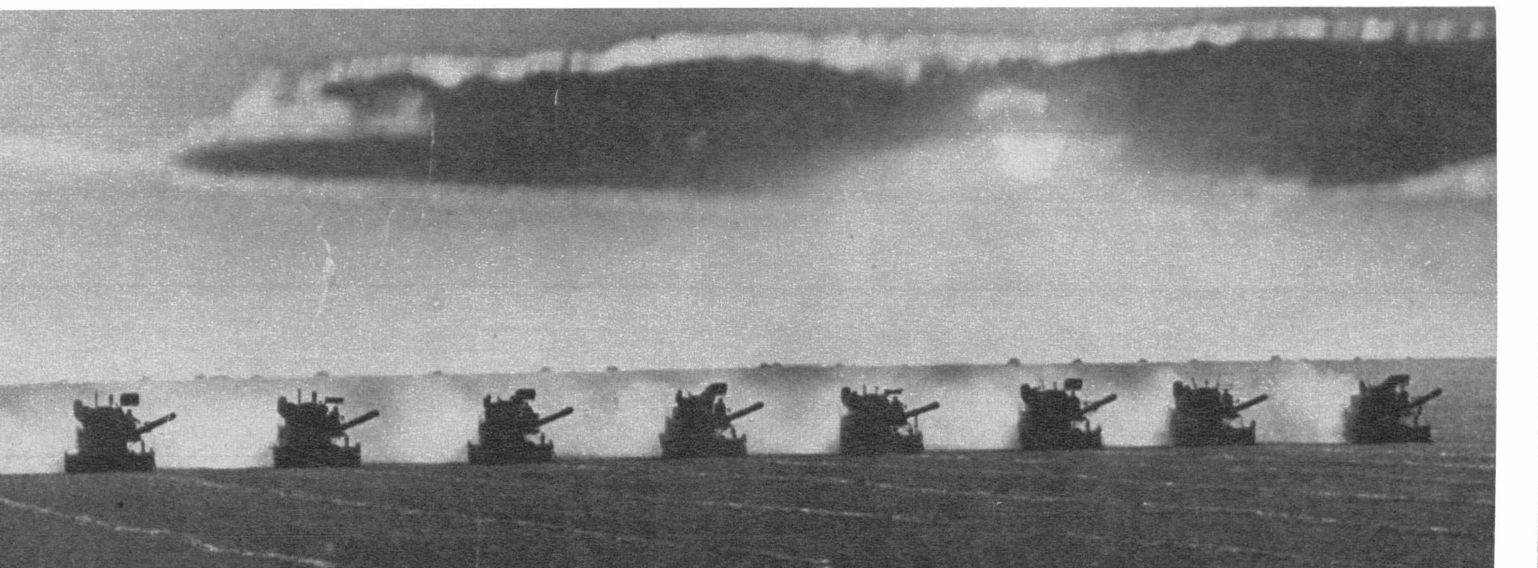

ВЯЧЕСЛАВ ШУКЛИН — МОЛОДОЙ АГРОНОМ КОЛХОЗА «ПОБЕДА ОКТЯБРЯ».

См. в номере репортаж «Чести не посрами».

Лучшим комбайнерам — первые караваи.

ХЛЕБ КУС

И днем...

Вот она, целинная пшеница.

ТАНАЯ

Н. ДЕГТЯРЕВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Продолжение см. на стр. 6.

и ночью.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ — ЖИВОЕ, ТВОРЧЕСКОЕ ДЕЛО САМИХ ТРУДЯЩИХСЯ

ВСТРЕЧНЫЙ

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования» вызвало живейший отклик миллионов советских людей. Ширится социалистическое соревнование, трудящиеся изыскивают все новые резервы; изо дня в день растет производительность труда, энтузиазм тружеников девятой пятилетки.

...Песня из кинофильма «Встречный», рожденная в годы первой пятилетки, когда металлисты выступили запевалами соревнования, выдвинув свой, более напряженный, встречный промфинплан, оказалась живучей.

Ее мотив раздавался в каждом уголке завода этим ранним осенним рабочим утром в сентябре 1971 года. Моросил дождь. С Балтики налетал колючий ветер. В проходные завода имени XXII съезда КПСС вливались людские потоки и, разбившись на множество ручейков, растекались по цехам, мастерским, лабораториям.

Вот и тот цех, где снимался фильм. В борьбе нового со старым рождался тогда встречный план. Заводская партийная ячейка одолела сопротивление его противников. Встречный почти в четыре раза превосходил первоначальный план. Заводская газета «Полюстровский гигант» сообщала: «Инициатива металлистов поддержана! Мы победили! Ура!»

Встречный предусматривал не просто численное увеличение выпуска машин, но и освоение более мощных турбин, отказ от ввоза их из-за рубежа, создание машин своей, отечественной конструкции. Лозунги призывали развертывать социалистическое соревнование, рационализировать производство и управление: «Все внимание, весь энтузиазм

Бригадир Н. П. Васильев (в центре) и его товарищи по бригаде — В. А. Гриднев (справа) и П. Г. Царев.

Основан 1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 38 (2287)

18 СЕНТЯБРЯ 1971

ВИЗИТ МИРА И ДРУЖБЫ

14 сентября сего года по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства в Москву с официальным дружественным визитом прибыли Их Величества король Афганистана Мухаммед Захир Шах и королева Умайра.

Король Мухаммед Захир Шах вносит большой вклад в дело укрепления отношений дружбы и добрососедства между Афганистаном и Советским Союзом.

Советские люди, приветствуя приезд в нашу страну главы дружественного афганского государства короля Мухаммеда Захир Шаха и королевы Умайры, выражают надежду, что этот визит высоких афганских гостей, который является продолжением плодотворных контактов, установившихся между государственными деятелями наших стран, будет способствовать делу дальнейшего укрепления добрососедских отношений между СССР и Афганистаном в интересах народов обеих стран и всеобщего мира.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Афганистана и Советского Союза, высоких гостей встречали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, первые заместители Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров, Д. С. Полянский, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. Холов, заместитель Председателя Совета Министров СССР В. Н. Новиков, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, министры СССР А. А. Громыко, А. А. Гречко, Б. П. Бугаев, С. Ф. Антонов, другие официальные лица, представители общественности Москвы.

Короля и королеву встречали посол Афганистана в Советском Союзе Мухаммед Ареф и дипломатические сотрудники посольства.

С аэродрома высокий гость вместе с Н. В. Подгорным направился в отведенную для него резиденцию.

На снимке: во время встречи на Внуковском аэродроме. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и король Афганистана Мухаммед Захир Шах отвечают на приветствия москвичей.

Фото В. Кошевого (ТАСС).

на создание массовых образцовых производственных бригад... Энергией и волей миллионов масс выполним и превзойдем задание пятилетки».

Дни казались короткими. Лозунг «Даешь пятилетку в четыре года» звал каждого уплотнять рабочее время до предела, а когда его не хватало, работали столько, сколько было нужно.

Паротурбинный цех номер один, в котором испытывались первые по тем временам крупные машины, теперь далеко не самый мощный. В послевоенное время у него появился довольно солидный соперник — двадцать первый цех. Стенды там как палубы океанских кораблей. На них испытываются паровые турбины мощностью в 200, 500, 800 тысяч киловатт каждая, в цехе их просто называют «двухсотками», «пятисотками», «восьмисотками»...

Да, далеко шагнули металлисты. Завод выпускает турбины по 800 тысяч киловатт. Конструкторы пошли еще дальше. Они разработали и защитили технический проект энергоагрегата в один миллион двести тысяч киловатт!

В тот день, когда по металлической лесенке мы поднялись на стенд 21-го цеха, там готовились испытывать турбину для Костромской ГРЭС. Эта машина изготовлена на две недели раньше срока. Связь первой и нынешней, девятой, пятилетки особенно зрима в этом цехе. Здесь и станочники и сборщики соревнуются под девизом «Пять в четыре», а это значит, что каждый выполняет свое пятидневное задание в четыре дня. Таков их сегодняшний встречный план. Он тщательно продуман рабочими совместно с инженерами. Все, что намечено сделать, отражено в комплексных планах-обязательствах: модернизация станков, внедрение новейшей оснастки, совершенствование технологии, овладение смежными профессиями...

Мы познакомились с бригадой слесарей, которой руководит Николай Павлович Васильев.

Теперь и не вспомнить даже названий городов, где стоят паровые турбины, в изготовлении которых он участвовал.

Когда на роторном участке потребовалось выбрать нового бригадира, все в один голос назвали Васильева. Уважали его за особый, спокойный, уравновешенный характер. Васильев никогда не повышал голоса, был общителен, требователен к себе, прям в суждениях. Не ошиблись слесари в выборе своего вожака. Свыше двух десятилетий бессменно руководит бригадой Николай Павлович.

В бригаде Васильева двенадцать слесарей. Все они, как и их бригадир, пришли на завод после войны, когда страна возрождала разрушенные врагом электростанции. Каждый из них за эти годы в совершенстве овладел всеми операциями на сборке роторов. В минувшей пятилетке бригада Васильева удвоила сдачу роторов на балансировку, хотя и работала с меньшим числом слесарей.

— А как в девятой пятилетке?

— Не остановимся, вперед пойдем,— показывая нам свой комплексный план-обязательство, говорит Николай Павлович. Эпиграфом к своему плану слесари взяли ленинские слова: «Повышение производительности труда составляет одну из коренных задач, ибо без этого окончательный переход к коммунизму невозможен».

В честь пятидесятилетия образования СССР бригада завершит свое годовое задание раньше срока на 65 дней. А пятилетку по производительности труда — на год!

...Николай Павлович Васильев листает свой карманный блокнот. В нем расписано, когда и какие поступят роторы на сборку. Скоро предстоит поставить крупные паровые турбины в Кострому, Усть-Илим, Славянск, на Сыр-Дарью, в Бразилию, Пакистан, ГДР, Индию...

ЗИГЗАГИ ВАЛЮТНОЙ ВОЙНЫ

Лев ВОЛОДИН

Мир капитализма переживает период острых схваток валютной войны. Она явилась следствием объявленных Вашингтоном чрезвычайных мер по спасению доллара и американской экономики в целом. Главная линия фронта уже определилась. С одной стороны, защищающие больной доллар Соединенные Штаты, с другой — отстаивающие свои экономические интересы развитые капиталистические государства. Вашингтон, принимая чрезвычайные меры, стремится выровнять дефицит платежного баланса, уберечь доллар от девальвации, обеспечить высокую конкурентоспособность американских товаров за счет торговых партнеров и политических союзников. Об этом вновь напомнил президент Р. Никсон в недавнем послании конгрессу.

Вопрос кто кого в этой схватке далеко не решен. Бесспорно, США — ведущая сила в лагере своих партнеров. Но времена бесконтрольного американского диктата на международных капиталистических рынках остались в прошлом. Если в послевоенные годы страны Западной Европы, Япония страдали «долларовым голодом» и вынуждены были обращаться к американской валюте как к гаранту своих финансовых и экономических операций, то сейчас эти страны испытывают «долларовое ожирение». Достаточно сказать, что запасы иностранной валюты в Западной Германии равняются ныне 17 359 миллионам долларов, Японии — 12 514 миллионам, а в США — только 12 200 миллионам долларов. Настал момент, когда еще недавно всемогущий доллар оказался в зависимости от стран — конкурентов США.

В этой обстановке перед правящими кругами США встала альтернатива: или девальвировать доллар, что им давно уже рекомендовали их партнеры в капиталистическом мире и собственные ученые-экономисты, или заставить другие страны ревальвировать (поднять стоимость) свои валюты. И тот и другой шаг давал примерно одинаковый результат, только в первом случае, по мнению американцев, был бы нанесен ущерб престижу доллара и подорвана доктрина США, согласно которой не золото, а доллар является осью мировой валютной системы. Был избран сугубо протекционистский путь: введена 10-процентная пошлина на импорт в США и как следствие — требование о ревальвации валют других стран. «Мы должны констатировать,— писала по этому поводу парижская «Фигаро»,— что Соединенные Штаты в очередной раз пытаются заставить развитые страны западного мира расплачиваться за болезнь американской экономики».

Наиболее сильно дополнительная пошлина на импорт в США ударила по интересам ФРГ, Японии, Англии и стран Латинской Америки. Протекционистская мера США ставит их товары в невыгодное положение по сравнению с американскими. При этом американцы скрыто угрожают, что дополнительная пошлина будет существовать до тех пор, пока в платежном балансе США не появится активное сальдо, то есть, другими словами, пока партнеры-конкуренты не пойдут на уступки.

Жертва, которой США требуют от союзников, велика. Речь, по существу, идет о новой попытке обесценить золото, подменив его — в который раз! — больным долларом.

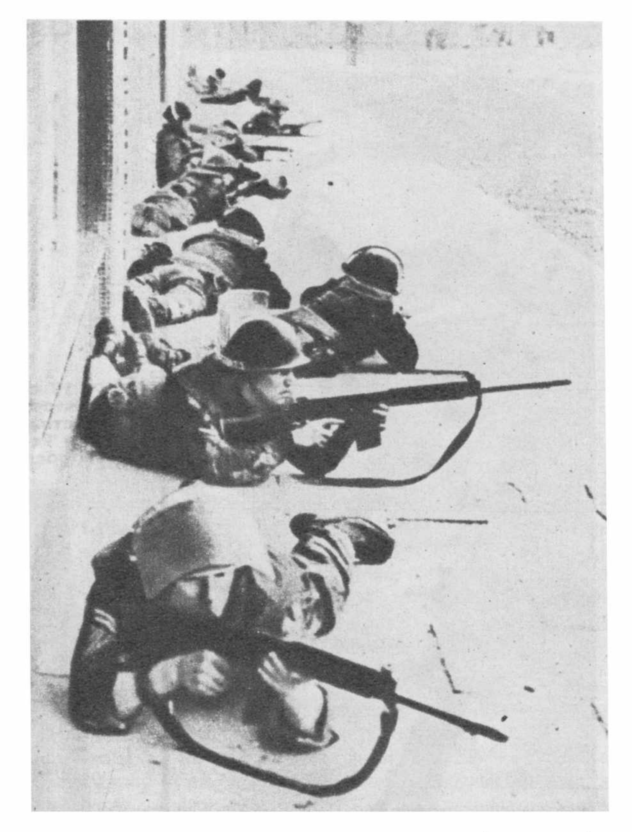
В Западной Европе хорошо помнят, что за двенадцать лет, с 1958 по 1970 год, американские капиталовложения в этой части континента выросли с 2 до 13 миллиардов долларов. Помнят и слова генерала де Голля о том, что Америка экспортировала в Западную Европу не только капиталы, но и инфляцию и пользовалась ею, чтобы скупать предприятия за клочки бумаги, а не за реальную ценность — золото. И сейчас во Франции весьма настороженно относятся к требованиям Вашингтона о ревальвации франка и отказываются менять его паритет.

Противоборство США со своими партнерами можно определить старой поговоркой: нашла коса на камень. Бизнесмены и политические деятели в странах Запада и Японии уже поговаривают о том, что коль Америка занялась протекционизмом, то и они могут создать протекционистские блоки. Это пока лишь угрозы, но очевидно, что большинство капиталистических стран будет решительно сопротивляться ревальвации своих валют.

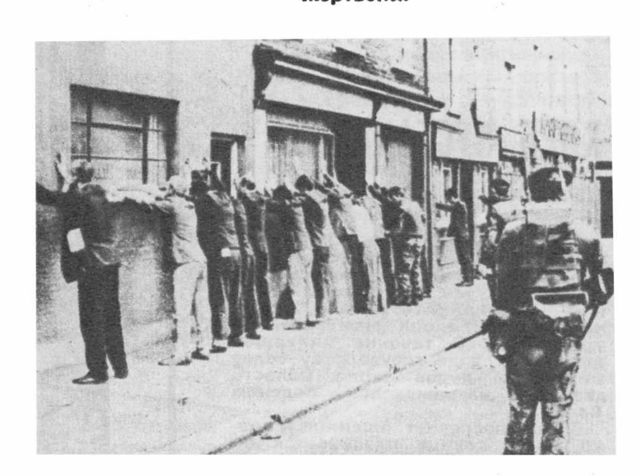
Пример уже показан странами Латинской Америки, которые на днях на совещании в Буэнос-Айресе осудили меры, принятые США в одностороннем порядке, и заявили о намерении добиваться немедленной отмены 10-процентной пошлины.

В повестке дня встречи министров финансов так называемой «группы десяти» — ведущих капиталистических держав — вопрос о введении на время свободных курсов валют. Это может стать очередным компромиссом, хотя и не наладит весь нарушенный механизм международного обмена. Но этот компромисс уже не вернет прежнюю безраздельную гегемонию доллару как основной резервной валюте капиталистического мира.

Сейчас на Западе все громче говорят о том, что нужны иные, кардинальные решения, которые могли бы восстановить равновесие мировой торговли, привязать валюты разных стран к их золотой основе, а не к доллару. И все чаще выдвигают требование о проведении реформы международной валютной системы. Этот вопрос остается пока открытым. США категорически отказываются его рассматривать. Но упрямство — еще не аргумент. США пожинают плоды своей империалистической политики, но их партнеры и союзники отнюдь не жаждут в полной мере разделить эти горькие плоды. Бурные валютно-финансовые потрясения наглядно отражают коренные пороки капиталистической системы, бесперспективность политики и экономического курса империализма.

Английские солдаты на улицах Белфаста в боевой готовности. Кто будет следующей их жертвой?..

Нет, это фотография не времен второй мировой войны! Под дулом английских винтовок стоят граждане Ольстера.

ОЛЬСТЕР В ОГНЕ

В Ольстере льется кровь мирных жителей, вся вина которых заключается в том, что они защищают свое право на человеческое достоинство, право на труд и лучшее будущее для себя и своих детей. Гибнут дети. Не успели пройти в Лондондерри похороны 14-летней школьницы Анетты Макгэвиган, погибшей от английской пули, как жертвой «сил безопасности» стал еще один ирландский ребенок — трехлетний мальчик Гэри Гормли. Положение в Северной Ирландии продолжает оставаться серьезным. Прогрессивные силы Северной Ирландии требуют предоставления билля о правах для Ольстера, немедленного освобождения всех интернированных, проведения переговоров между Лондоном и Дублином с участием представителей политических партий и массовых организаций Северной Ирландии. Эти переговоры должны найти политическое решение, которое положило бы конец политике раскола ирландцев и гарантировало бы им право на самоопределение.

Весь мир клеймит позором кровавые репрессии английских империалистов в Ольстере.

Комбайнер Виктор Гордиенко.

ХЛЕБ КУСТАНАЯ

Начало см. на 2-й стр. обл.

Знаете ли вы кустанайское хлебное поле? Коли не довелось вам видеть его, так уж слышали-то о нем наверняка. Огромное оно — четыре миллиона гектаров. И урожайное. В течение минувшей пятилетки дало государству более миллиарда пудов зерна. Область дважды награждалась орденом Ленина.

Когда поспевает пшеница, словно само солнце разливается по степи. К этой поре уже покрываются крутым загаром лица и руки хлеборобов. Высоко в голубом небе колышутся красные флаги. Такие же, только поменьше, трепещут от встречного ветра на тракторных радиаторах, кабинах автомашин. Алеют красные звезды на бункерах комбайнов. Почтальоны несут в дома механизаторов приветственные открытки. Лучшим комбайнерам вручаются первые караваи. Так отмечается трудовая доблесть целинников. Это стало традицией.

В совхозе «Викторовский», откуда мы ведем наш репортаж, одними из первых завоевали право на почетное звание коллективов высокой культуры земледелия первая и вторая бригады, где бригадирами В. Олексюк и И. Сивуда. У них и нынче самый лучший урожай по Тарановскому району. Руководит этим хозяйством заслуженный агроном Казахской ССР Г. Г. Гаврильченко. В районе была достигнута самая высокая за последние годы выработка комбайнов. В день обмолачиваются валки на 14 тысячах гектаров!

На юге области уже обозначился конец страды, в северных районах она еще в зените. С каждым днем все плотнее становится движение на главных хлебных трассах. Еще немного, и асфальт затрясется, загудит под нескончаемым могучим потоком груженных зерном автомашин. Хлебный поток нарастает. Сегодня хозяйства сдают на заготовительные пункты три миллиона пудов зерна. Завтра, послезавтра эта цифра будет расти, а затем удвоится. Потечет могучим половодьем кустанайский хлеб в закрома государства. И порадуются люди этой теплой и пахучей золотой реке и прославят в песнях своих добрые руки хлеборобов.

19 СЕНТЯБРЯ — ДЕНЬ РАБОТНИКА ЛЕСА

ЧЕЛОВЕК,

19 сентября — День работника леса. Корреспондент «Огонька» З. ХИРЕН обратился к председателю Государственного комитета лесного хозяйства Совета Министров СССР, доктору экономических наук, профессору Георгию Ивановичу ВОРОБЬЕВУ с просьбой ответить на несколько вопросов.

Фото М. САВИНА.

ЛЕС, БИОСФЕРА

Корреспондент. Знакомясь с выступлениями зарубежных ученых, посвятивших себя разработке проблем сохранения природы и рационального использования ее ресурсов, часто встречаешь немало добрых слов в адрес Советского Союза. Ученые отмечают, что СССР по запасам и приросту древесины занимает первое место в мире. «Достаточно побывать в больших лесах, опоясывающих Москву, чтобы убедиться, как удачно сочетаются урбанизм и лесная зона — «легкие», которыми дышат крупные города»,— прочитали мы у одного из видных руководителей международного Союза охраны природы и природных ресурсов, Жана Дорста. Вопросы биосферы, которые в наши дни не сходят с повестки дня международных форумов, более восьмидесяти лет тому назад как бы «прогнозировались» еще А. П. Чеховым. Немало им написано о любви к лесу, о бережном отношении к природе и ее богатствам. Хотелось бы, Георгий Иванович, чтобы вы не только прокомментировали эти зарубежные отзывы, но и поделились с читателями журнала своими мыслями о зеленом друге, рассказали, как советские люди заботятся о нем, о лесах будущего, что предпринимается у нас для защиты природы.

Г. И. ВОРОБЬЕВ. Быстрое развитие производства и рост численности населения выдвигают в качестве важной для всех народов проблему охраны и рационального использования природных ресурсов нашей планеты. В докладе на XXIV съезде КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев сказал: «Принимая меры для ускорения научно-технического прогресса, необходимо сделать все, чтобы он сочетался с хозяйским отношением к природным ресурсам, не служил источником опасного загрязнения воздуха и воды, истощения земли... Не только мы, но и последующие поколения должны иметь возможность пользоваться всеми благами, которые дает прекрасная природа нашей Родины».

Известно ли вам, что лесная площадь СССР достигает 1 234 миллионов гектаров, это 55 процентов всей территории Советского Союза. Запасы древесины составляют 80 миллиардов, а ежегодный ее прирост — 844 миллиона кубометров. По научно обоснованным нормам без всякого ущерба для судьбы наших лесов можно сегодня увеличить рубку с 400 до 625 миллионов кубометров. Пока мы не воспользовались этой возможностью по той причине, что многие зеленые массивы расположены в отдаленных районах, к ним нет дорог. Но большие работы по освоению богатств Сибири и Дальнего Востока не прекращаются. И это позволило за последние десять лет сократить объем лесозаготовок в малолесных районах европейской части страны.

Теперь вернемся к приведенным вами выдержкам из зарубежной прессы. Я бы мог к ним прибавить немало высказываний крупных иностранных специалистов, услышанных при встречах с ними у нас в Москве, да и за границей. Тут, думаю, уместно будет сказать и о симпозиуме, проведенном в Москве по просьбе продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН. В нем участвовали ученые двадцати четырех стран. Речь там шла о влиянии леса на внешнюю среду. Гости отмечали, что многому здесь можно поучиться у Советского Союза. Совсем недавно, беседуя со шведскими специалистами, я рассказал им о создании у нас Центрального института генетики и селекции древесных растений. И надо было видеть, с каким изумлением выслушали они это сообщение. Дело в том, что до нынешнего времени подобными проблемами занимались лишь отдельные лаборатории. Вы, конечно, слышали о «безостой-1» академика П. П. Лукьяненко. Сейчас и у нас, в лесном хозяйстве, ведется громадная селекционная работа. Создается сеть питомников, которые дадут высококачественные посадочные материалы, а с плантаций в ближайшие 15—20 лет мы получим прекрасные семена. Думается, что и в нашей отрасли хозяйства появятся свои Лукьяненко, свои «безостые-1».

Между прочим, если речь здесь зашла о Чехове, не могу не привести еще одну цитату, которую встретил у названного вами автора: «...когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный вот этими руками,— писал Антон Павлович,— я сознаю, что климат немножко и в моей власти, и что, если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я». Но писал это Чехов в пору, когда природные богатства России принадлежали купцам, фабрикантам, помещикам. Никто из них не думал ни о защите природы, ни о судьбе биосферы. И вот что интересно, на упомянутом симпозиуме выступил представитель США и заявил: «Мы должны учитывать, что частная собственность на землю также мешает в этом вопросе (имелись в виду защита природы, обработка земли). Мы должны помнить, что успешно эта проблема может быть решена только в большом масштабе».

Конечно, очень приятно, что прогрессивные люди всего мира, обеспокоенные судьбой биосферы, цитируют Антона Павловича Чехова, советских ученых, писателей. Десятки тысяч наших лесничих, лесников, рабочих, служащих, которые изо дня в день заботятся о расширении зеленых массивов, могут с еще большим основанием, чем чеховские герои, сказать о посаженных их руками деревьях, могут с полным основанием заявить, что улучшение климата — и не просто «немножко», а в громадной степени — в их власти. Леса будущего на наших глазах поднимают свои вершины к небу. Кто не знает, сколько бед претерпели в последнюю войну леса Белоруссии. Они горели, там шли бои... И вот сейчас километрах в ста пятидесяти от Минска, по дороге на Брест, поднявшись на мост, можно увидеть на полях былых сражений обширнейшие лесные массивы, привлекающие внимание своей стройностью, ухоженностью. А ведь все они ровесники Дня Победы. Им едва исполнилось 26 лет. Их площадь за послевоенное время только в одной Белоруссии достигла миллиона трехсот тысяч гектаров.

Корреспондент. Нельзя ли, Георгий Иванович, попросить вас рассказать о судьбе вырубок. Не образуется ли разрыва между ними и восстановлением порушенных богатств?

Г. И. ВОРОБЬЕВ. Что ж, тревога вполне понятная. Нам, работникам Государственного комитета, не раз приходилось выслушивать подобные вопросы. Вся наша деятельность подчинена именно тому, чтобы лесные массивы не только не уменьшались, а всемерно увеличивались. Тут словами ничего не докажешь, возразите вы. Вполне согласен, так вот, знакомьтесь — цифры! За восьмую пятилетку было вырублено 10,2 миллиона, а восстановлено 11,2 миллиона гектаров. И не только восстановили, но и создали леса там, где их прежде вовсе не было. Все более широкое развитие получает реконструкция малоценных насаждений. Ежегодно на десятках тысяч гектаров вместо низкопродуктивных осинников и ольшаников выращиваются культуры дуба, сосны, ели, лиственницы. И в новой пятилетке восстановление леса превысит вырубку на два миллиона гектаров. Думаю, что эти цифры способны убедить людей, которые иногда не прочь, чаще всего без всякого основания, сетовать, что вот-де, мол, губят леса...

Значение нашего зеленого друга трудно переоценить. Многомиллионные тиражи наших газет, журналов, книг — это бумага, полученная после переработки древесины. Без помощи зеленого друга не обходится ни одна отрасль индустрии, строительства, сельского хозяйства. Не говоря уже о медицине, отдыхе трудящихся. Взять, например, оздоровительные зоны вокруг городов. Для них установлен особый режим, обеспечивающий наиболее благоприятные санитарно-гигиенические условия. Генеральным планом развития Москвы предполагается расширить площадь этой зоны до 275 тысяч гектаров. Вокруг Ленинграда создается зеленый пояс площадью более 100 тысяч гектаров. Такие же зоны появятся вокруг многих других городов.

На полях лес защищает почву от эрозий, посевы — от засух и суховеев. Наука и практика убеждают нас на конкретных примерах, что на землях колхозов и совхозов с полезащитными полосами урожаи зерновых повышаются в среднем на 2—2,5 центнера с гектара. Зеленый друг — это и деревья в полупустынных, степных районах страны, защита истоков рек, водного режима, охрана гор и дорог. Всюду мы ощущаем присутствие зеленого друга. Он много делает для людей, но и они в знак глубокой признательности заботятся о его процветании. В СССР охране природы, рациональному использованию ее ресурсов, воспроизводству лесных богатств придается огромное значение.

Корреспондент. В заключение хотелось бы услышать о тех, кто посвятил жизнь лесу,— о лесничих, лесниках, техниках, рабочих и служащих, инженерах, ученых, об их семьях.

Г. И. ВОРОБЬЕВ. Человека в форменной фуражке с золотой дубовой веткой на околыше (таков наш герб) не часто встретишь на улицах, в поезде, самолете. И он и его семья проводят всю жизнь в лесу. Он не только занят посадкой новых деревьев, уходом за старыми, не только оберегает зеленые богатства от вредителей, браконьеров, но на его долю выпадают более трудные задачи. Этот человек героически борется со стихийными бедствиями, с пожарами. Труженики лесного хозяйства вооружены самой совершенной техникой, авиацией, вертолетами. При необходимости на помощь им приходят парашютные отряды. Но все равно, как правило, первые удары принимают на себя лесничий, лесник, техник, рабочие, служащие. Не случайно День работника леса стал у нас большим народным праздником, и мне хочется воспользоваться страницами журнала «Огонек», чтобы в этот день поздравить армию людей, посвятивших свою жизнь охране природы, созданию лесов будущего, пожелать им больших успехов в их нелегком труде.

ПРОСЕКИ СТАНОВЯТСЯ ПРОСПЕКТАМИ

С. ПАСТУХОВ

— В прошлом веке мой дед спустился на плотах по Шилке и Амуру из Забайкалья под Хабаровск. Корчевал лес, сеял хлеб. И отец крестьянствовал. Мать вырастила двенадцать детей. Так что работников в нашем роду немало. Сам я на воде сорок лет без году. Кстати, вот это мое последнее судно я принял в Сретенске и спустил его сюда старой дедовой дорогой. Что изменилось за четыре десятилетия на амурских берегах? Всего не перечтешь. Сам Хабаровск стал неузнаваемым — красавец город. На голом месте поднялся Комсомольск, неподалеку от него растет Солнечный. Да вот и Амурск, куда вы путь держите, тоже совсем молодой поселок.

Из разговора с А. Ф. Косныревым, капитаном пассажирского теплохода «Семен Дежнев», курсирующего по линии Хабаровск — Николаевск-на-Амуре.

Геодезисты — народ с фантазией. Это потому, наверно, что мир они видят сквозь свою оптику перевернутым. Позвали как-то рабочего Терлеева к теодолиту, говорят, посмеиваясь:

— Глянь-ка, Алеша, какой приятель на чай к тебе пожаловал...

Пристроился Алексей к окуляру и застыл: в дальнем конце просеки сохатый неторопко жует молодые побеги. Роса, цветы, раннее солнце — красиво, только все перевернуто. Демобилизованный солдат Терлеев в этих краях недавно, лося видит впервые. Взял хворостину подлиннее, пошел прогонять таежного гостя, чтобы не мешал работать. Было это пятнадцать лет назад...

Изыскательская экспедиция ленинградского «Гипробума» на диком берегу Амура намечала в то время контуры будущего города Амурска, его целлюлозно-картонного комбината. Здесь, на таежном просторе, решено было создать дальневосточный лесохимический гигант.

Спустя два года вьюжным мартовским днем на берег пришли три бригады плотников — Алексея Могильного, Василия Зиновьева, Иллариона Бассаргина. Дружно взялись они за дело — поставили целый городок брезентовых палаток, срубили деревянные дома. В июне на стройку прибыло сто пятьдесят парней и девушек с комсомольскими путевками. А к зиме здесь работало уже полтысячи человек. Чтобы теплее было, спали вплотную друг к другу. Умывались по утрам снегом. Сейчас это кажется небывальщиной.

Ныне — приплываешь ли сюда на быстроходной «Ракете» или приезжаешь автобусом — видишь в полной красе белокаменный город с 25-тысячным населением, город, по привычке все еще числящийся в поселках. Бывшие просеки стали улицами и проспектами.

Первый секретарь Амурского райкома партии В. М. Крысин, на глазах которого поднимался город от начальных своих колышков, в разговоре с нами перечисляет:

— Двадцать с лишним многоэтажных жилых домов, четыре детских сада, средняя школа, два больших продовольственных магазина, булочная, магазины «Юбилейный», «Детский мир», «Ткани», «Галантерея», «Стройтовары», столовая «Аквариум», швейное ателье «Амурские зори», аптека, широкоформатный кинотеатр «Молодость», районная и детская библиотеки, Дом пионеров. Таков один из главных наших проспектов — Комсомольский...

Замыкает этот проспект, перегораживая его поперек, Дворец культуры. Заслуженный строитель РСФСР, кавалер ордена Ленина Алексей Григорьевич Терлеев с женой Лидией Николаевной пришли недавно сюда на концерт художественной самодеятельности. Выступал местный цирковой коллектив «Русские удальцы». Жонглеры, эквилибристы, велофигуристы, гимнасты, клоуны. Все свои, поселковые. Вышли на сцену акробаты и — хоп! — быстренько потопали по сцене вниз головой. И вдруг засмеялся Алексей Григорьевич. Удивленно глянула на него Лидия Николаевна: с чего бы вдруг такое веселье?

— Это я так, Лидушка, про теодолит вспомнил, как мне когда-то сохатого показывали,— пояснил Терлеев.

Первостроителей, друзей Алексея Григорьевича, в Амурске немало. Им посвящена целая портретная галерея на одной из улиц города. Они служат примером тем, кто позже приехал сюда. Но в то же время коренным амурчанином считается здесь каждый, кто хоть что-то сделал для города.

Плотник Александр Шишлянников, родом из Волгограда, приехал на стройку только три года назад, отслужив в армии. Но доброй работой, активностью в общественных делах сразу же пришелся по душе амурчанам. Его уж второй раз подряд избрали депутатом поселкового Совета. Жена Александра, горьковчанка Марина, окончила Иркутский лесотехникум и трудится в Амурске четыре года. Ее избрали в краевой Совет. Два депутата растят теперь сынишку Эдика, уже в полном смысле коренного дальневосточника.

Эти подробности я узнаю в сушильном цехе целлюлозно-картонного комбината, где работает прессовщицей Марина Шишлянникова. Здесь завершается процесс получения материала, из которого делают бумагу. В других цехах таежные ели измельчают в щепу, варят с разными добавками, избавляют от ненужностей, промывают. И вот чистая древесная сетчатка устремляется сюда, на пресс-сушку. Пройдя восемь десятков горячих вращающихся барабанов, она течет непрерывным белым полотном шириной в несколько метров, ложится под нож и направляется затем потребителям во все концы страны. В громадном, почти безлюдном цехе хрупкая Марина кажется неприметной. Но она настоящая хозяйка здесь. Маленькая хозяйка большого дела.

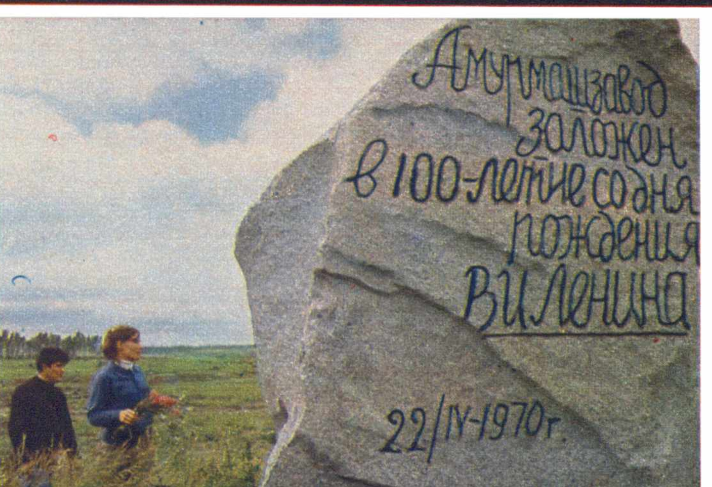
Амурский лесохимический комбинат — он дал свою первую продукцию в восьмой пятилетке — в рекордно короткие сроки освоил выпуск высококачественной беленой целлюлозы. Нынешним летом здесь начали варить целлюлозу для изготовления штапельных и шелковых тканей. А ведь молодое предприятие еще в строительных лесах, действует пока только первая его очередь. Вторая будет готова в текущей пятилетке.

Весь Амурск — строительная площадка, пожалуй, самая большая на Дальнем Востоке. Поднимаются над тайгой, над многоводной рекой первые корпуса машиностроительного завода, деревоперерабатывающего комбината и других промышленных предприятий. Уже составляется генеральный план города на 200 тысяч жителей. На Всесоюзную ударную комсомольскую стройку едет молодежь из западных районов страны.

Крепкие корни пускают в приамурскую землю нынешние переселенцы. Со временем их внуки не без гордости будут говорить:

— Мой дед в прошлом веке прибыл сюда по комсомольской путевке, прорубал первые просеки, строил первые проспекты...

Поселок Амурск,
Хабаровский край.

Молодой поселок Амурск.

Здесь будет построен завод.

Каждый пятый житель поселка имеет свою моторную лодку.

Комсомольцы — строители.

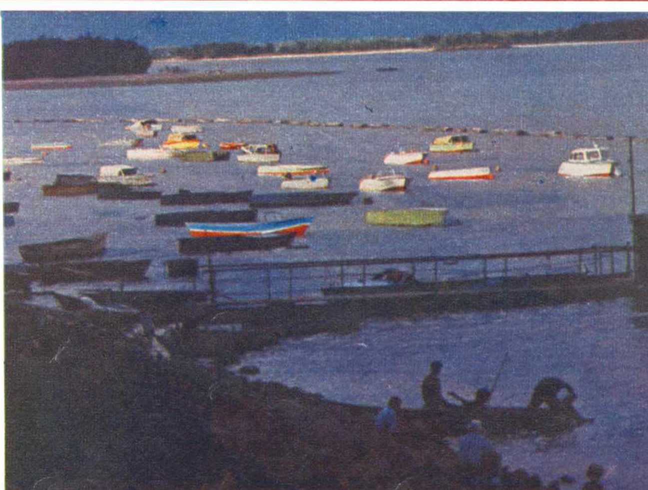
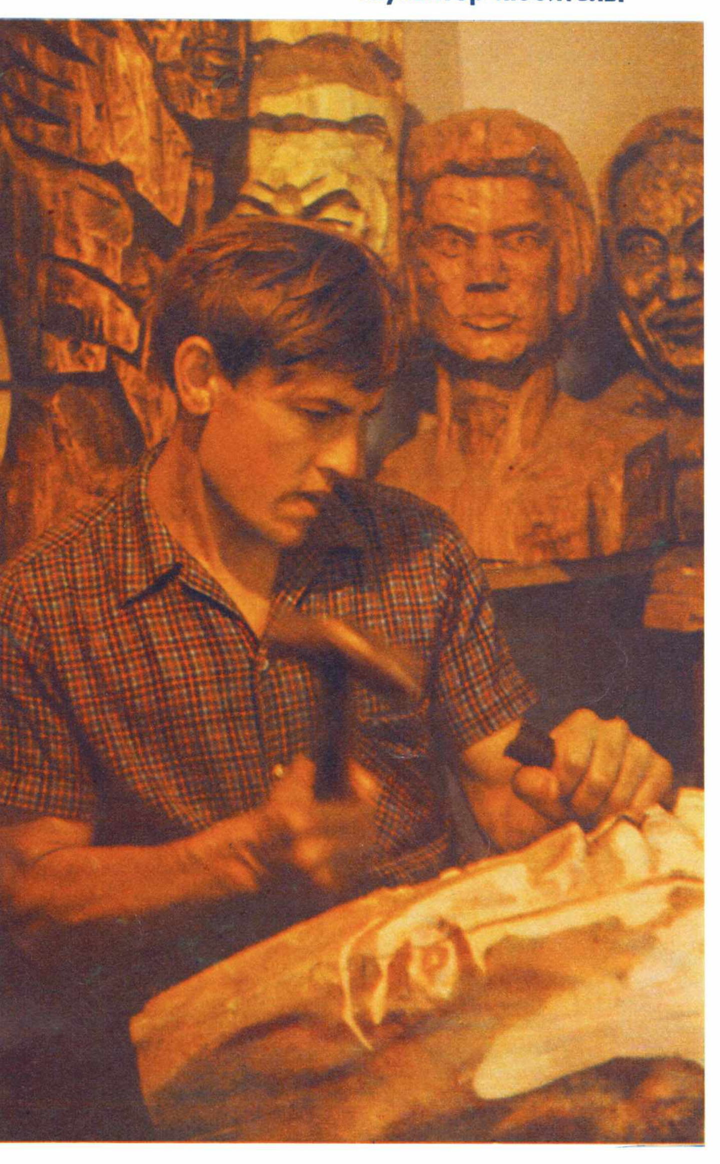

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Бетонщик Александр Реутов — скульптор-любитель.

Растет население молодого Амурска.

Юный новосел Руслана Барабаш.

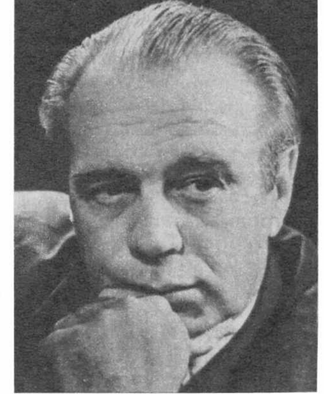

Тайга отступает...

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВЕНОК

Владимир ТУРКИН

ФРАГМЕНТЫ ПОЭМЫ

Ксении Филипповне Тюриной, заслуженной учительнице РСФСР

— Ну, вот и нету больше мамы!..
Мы наблюдали за отцом,
Как он шагнул
И рухнул
Прямо
В постель,
В подушку —
Вниз лицом.

Сейчас уже ушло в преданье —
Как жили мы и как росли.
Но слышу я его рыданье,
Глухое, как из-под земли.

* * *

...Отец все время на заводе.
Скучал я (хоть он был не груб)
По слову мягкому «Володя»,
Что с женских бы слетало губ.
А в нашем классе — да едва ли
Лишь в нашем,— обращаясь к нам,
Учителя не называли
Нас никогда по именам.
И от безликого такого,
Безыменного бытия
В протест, по-детски бестолковый,
Все чаще ударялся я.
И жил каким-то одиноким.
Учителям своим грубя,
Бесцельно я срывал уроки...
Я мстил кому-то за себя.

...На радость нашу, на беду ли,
Но так случилось — выпал час:
Учитель по литературе
Ушел на пенсию от нас.
Хмур, с головою белопенной,
Неряшлив, ростом невелик,—
Мне все ж запомнился почтенный
И слово знающий старик.
Потом на две иль три недели
Был — от звонка и до звонка —
По расписанью час безделья
Взамен уроков старика.

* * *

...И вот вошла о н а.
Как будто
Еще прощаясь с кем-то там,
За дверью,
Все ждала минуты,
Когда мы сядем по местам.
Вошла, как с луговых раздолий,
Из зеленеющих садов
Неся,
Наверно, в коридоре
Врученный ей букет цветов.
Вошла стремительно и властно,
Остановилась у стола...
И не по-женски коренаста
И по-осеннему смугла.

«Ну, что же, здравствуйте, ребята!»
Мы отвечали невпопад,
Садились, ежились горбато
И прижимали крышки парт.
Когда утих наш робкий гомон,
Она из дальнего угла
Пошла от одного к другому.
«Ну, как тебя зовут?»
Ждала.
И шла опять.
Не ускоряла
Нигде замедленный свой шаг.
И только имя повторяла
И добавляла слово «Та-ак».
«Володя. Та-ак.
А ты? Андрюша.
Та-ак».
Обошла она весь класс
И прикоснулась к нашим душам —
Конкретно к каждому из нас.
Андрей, глаза расширив дико,
От удивленья красный весь,
Учебник сунул мне: «Гляди-ка,
Ее фамилия вот здесь».
Я прочитал страничку мигом:
«С профессорами труд деля,
Работали над этой книгой
Такие-то учителя...»
И средь фамилий разных-прочих,
Не говоривших ни о чем,
Я сам в одной из первых строчек
Ее фамилию прочел.
И сразу, словно в пропасть, в бездну,
При наступившей тишине
Сопротивление исчезло...
Все успокоилось во мне.
С каким неистовым стараньем
Я в этот вечер выполнял
Ее домашнее заданье!
Грыз карандаш, вертел пенал,
И, не тревожа братьев спящих,
Я шепотом искал слова,
Чтоб состояли из шипящих...
Уже кружилась голова,
И ночь мне веки закрывала,
Но я трудился... как-никак,
Такого в жизни не бывало:
Заданье делалось в стихах:
«Ш е л д о ж д ь. Н а у л и ц е т а к ж а л к о
П и щ а л щ е н о к п о в е ч е р а м.
Я в ы ш е л. О н к о м н е п р и ж а л с я.
Я п р и т а щ и л е г о в ч у л а н...»
Я сочинял. И сам не верил.
Но вдохновенная рука
Дверь рисовала. А под дверью
Еще несчастного щенка.
Труд мне был тяжек, но отраден.
А утром, взвесив на руке,
Она из стопки всех тетрадей
Взяла мою: «Прошу к доске...»
Что ж, я бывал на «месте лобном»,
Уже стоял здесь много раз,
На месте, где меня беззлобно,

Шутя, осмеивал весь класс;
Где по подсказке шепелявой
На грамматический вопрос,
На просьбу,
На «Вас ист умляут?»
Я «ауф-ляуф» произнес;
Где дважды физик чернокудрый
С не гаснущей в глазах мечтой
Изобретательно и мудро
Преображал меня в ничто.
Однажды, накрутив с азартом
Бумажных пулек, как во сне,
Я целился с последней парты
В Ларискин бантик на спине
И злился, что все мимо-мимо,
Ожесточаясь, как в бою.
А физик наш невозмутимо
Чеканил формулу свою,
Вычерчивал сыпучим мелом
Какие-то свои значки.
Вдруг резко дернулся всем телом
И повернулся от доски:
«А ну-ка дай сюда резинку,
Иди сюда. Клади на стол».
Моя нелепая заминка,
Мой лепет был похож на стон.
Понять, как он меня увидел,
Нет, было выше моих сил.
А он в усмешливой обиде
Внушительно произносил:
«Вот все они твои «снаряды»
Ложились за моей спиной,
На кафедре. Все вместе — кряду —
По траектории одной.
Запомни как одно из правил:
«Без физики — не жизнь, а мрак!»
И вдруг не в рифму взял, добавил:
«Великовозрастный... дитя!»
И вот теперь у «черной рамы»
Меня в молчании ждала
Та, что впервые после мамы
Меня Володей назвала.
Я поднялся.
И, чуть помешкав,
Пошел.
Мне было все равно:
Что ждет меня?
Опять насмешка?
Я ко всему готов был...
Но...
Она сказала так:
— Сегодня,
Всех вас ценя и всех любя,
Его, вот вашего Володю,
Я та-а-к открыла для себя!
Он среди вас один — без мамы.
Не ради жалости к нему,
А с тем, чтоб твердо и упрямо
Он верил дару своему,
Без внешней маски, без ухмылок,
Без этих глупых «ха» да «хи»,
Вот слушайте...»
Она открыла
Мной сочиненные стихи...

* * *

На горке, под фонарным кругом
(Весь двор наш был в таких кругах),
Мы, уцепившись друг за друга,
Раскатывались на ногах.
Был вечер этот слишком звонким,
И слишком щедрая луна...
Как все мальчишки и девчонки,
Я заигрался допоздна.
А утром, в школе (так не к сроку!),
Начав тетради собирать,
Учительница средь урока
Спросила и мою тетрадь.
Тетрадь пуста. Простое дело:
Признаться...
И обуза с плеч.
Но как мне перед ней хотелось
Теперь достоинство сберечь!
Наивной наглостью ведомый,
Чтоб не разрушить пьедестал,
Сказал: «Тетрадь осталась дома!»
Нет, не сказал — пролепетал.
Я думал, что я первый автор,
Придумавший такую ложь.
Я ждал: «Ну что ж, Володя, завтра,
Не позабудешь, принесешь».
Ждал.
А она совсем не строго:
«Забыл. Бывает. Ну и что ж.
Иди домой. К концу урока
Вполне успеешь. Принесешь».
Казалось, что весь город слышит,
Как все стучит в моей груди.
Она добавила чуть тише:
«Иди, Володенька, иди...»
Я вышел. И вот здесь, за дверью,
Вот здесь, за классною стеной,
Не коридор лежал, а берег
И ниже омут ледяной.
Еще какие-то мгновенья
Я судорожно выбирал:
Войти,
Краснея от смущенья,
Сказать:
«Простите, я соврал!»
И растоптать наверняка,
Разрушить все ее доверье,
Которое за классной дверью,
Быть может, теплится пока.
Иль попытаться дольше, дальше
Ее доверчивую нить
Ценой какой угодно фальши
Не разорвать, а сохранить?
Опять инстинкт самозащиты
От ухмыляющихся глаз —
Я, задыхаясь нарочито,
Дверь распахнул, ворвался в класс
И, мокрый, будто бы от снега,
Лоб вытирая рукавом,
Сказал: «Вы знаете, я сбегал,
Но дома нету никого».
Я думал, что я первый автор,
Придумавший такую ложь.
Я ждал: «Ну что ж, Володя, завтра,
Не позабудешь, принесешь».
Вышагивая шагом строгим,
Она сказала на ходу:
«Ну что ж, закончатся уроки —
Ты принесешь. Я подожду».
Звонил звонок.
Походкой скорой
Она ушла, забрав журнал...
У поворота коридора
Я все-таки ее догнал.
Удобно ли ей будет долго
В учительской сидеть и ждать?
И как, мол, мне: бежать до дома
Иль можно шагом — не бежать?
Она своим нестрогим взглядом
Прошла по взгляду моему:
«Нет, знаешь что, бежать не надо,
Спешить не надо. Ни к чему...
Придешь: все сделаешь спокойно,
А завтра сдашь мне. Хорошо?»
И тихо на плечо ладонь мне,
И сразу ток по мне прошел
В пол,

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

В половицу,
На которой
Стоял застигнуто немой
В пустом туннеле коридора,
Перед учительской самой.
Сейчас, спустя десятилетья,
Когда б я вновь пришел сюда,
Я б отыскал их без труда,
Склонился б к половицам этим
И взял бы в руки острый нож,
Снял с половиц полоску стружек
И в них (пятнисто!) обнаружил
Свою запекшуюся ложь.

Учительница все ждала:
Что я скажу ей, что отвечу?
А я стоял, ссутулив плечи,
Позором выжженный дотла.
— Ты понимаешь?
— Понимаю.
— Договорились?
— Хорошо.

И я, лица не поднимая,
Шагнул,
Согнулся
И пошел...
По этажам притихшей школы,
Вниз,
На крыльцо,
Во двор,
Вперед...
И, словно на́двое расколот,
Остановился у ворот.

Как будто кто-то отодвинул
Часть детства, про́житого мной,
И та, вторая половина
Осталась в школе, за стеной.

* * *

Была зима.
Но потрясенье,
Которое я перенес,
Все обратило в день весенний,
Какой-то радостный до слез.
Я шел весенне вдоль ограды
И сам еще не знал тогда,
Что мы с семьей из Ленинграда
Переезжаем навсегда.
Я говорил себе:
«Вернусь!
Вернусь, хоть молодым, хоть старым,
Пройду по этим тротуарам
И этой школе поклонюсь...»
«Вернусь!..»
Но разве в те минуты
Я знал, что близится тот год,
Когда все встречи,
Все маршруты —
Все нам война перечеркнет?
И что спустя лишь четверть века,
Волненье сохранив с тех пор,
Сорокалетним человеком
Войду я в этот школьный двор?

Пришел.
А на Большой Посадской
Кипят мальчишечьи «бои».
И где-то там, в могиле братской,
Спят одноклассники мои.
Расплачься!
Душу обнажи!
Тут, во дворе,
В петле блокады
С бойцами
Дети Ленинграда
Удерживали рубежи!
И видел я за их плечами
Благословляюще-святой
Жест материнский,
Взгляд печальный
Моей учительницы той.

Найду ее.
Найду.
Найду.
Ведь, может быть, всему на диво,
Ее блокада пощадила
В тысячедневном том году?!

Найду!
Иду.
А нетерпенье
Натянуто, как провода...

Прощайте, школьные ступени,
С которых я сбежал тогда,
Стыдливо,
С книжками под мышкой,
Во двор,
По школьному крыльцу...

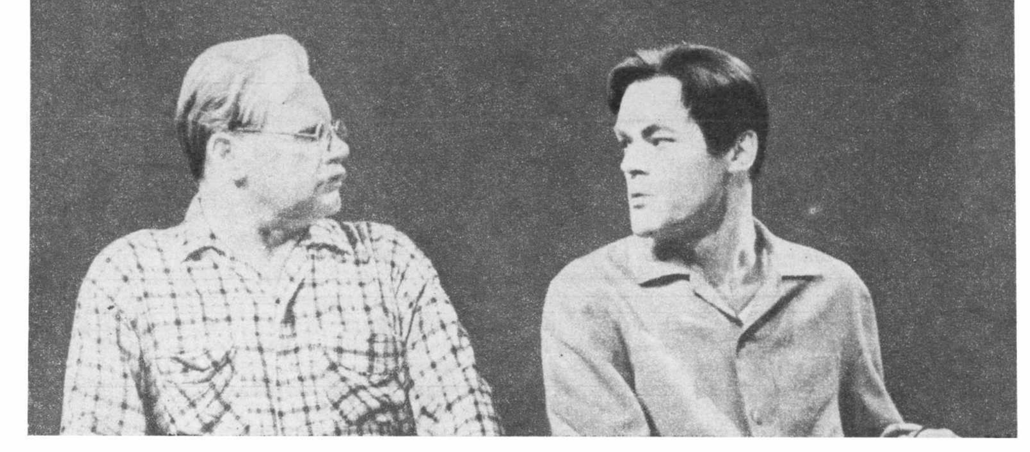
Сейчас мне вверх.
Сейчас мне — выше.
К ее дверям,
К ее лицу.
Этаж.
Этаж.
Ее площадка.
Звонок.
Открыта дверь.
И вот
Меж ней и мною беспощадно
Громада времени встает.
Сейчас ей семьдесят...
В ушах
Гудит военная дорога...
Седая женщина с порога —
Навстречу мне...
Один лишь шаг...
И память, словно половодье,
Взрывает весь минувший срок...

Звенит звонок.
Идет урок.
Она зовет меня:
«Володя!» —
Лицом к лицу...
Но время мчится.
Война.
Блокадное кольцо...
Теперь я должен наклониться,
Чтоб рассмотреть ее лицо,
Колени преклонить при встрече,
Чтоб снова детство пережить,
Чтоб теплую ладонь
На плечи
Она смогла мне положить.
— Ну, что ты! Ах, какое диво...
Но это ж дорого, цветы...—
И непридуманно — счастливо
Засуетилась у плиты.

— Не надо! Ничего не надо!
— Ты сыт! Ты нáдолго? Один?
— Пойдемте — так, по Ленинграду,
На нашу школу поглядим.
— Пойдем. Ты хочешь поскорее?
Пойдем. Я быстро соберусь.
Ты не смотри, что я старею.
Я не старею. Я — борюсь.
Пойдем. Ты только дай мне локоть,
А то еще, не дай-то бог,
Где поскользнусь...
Вот так.
Неплохо.
Ну, и высок ты. Ну, высок...

Уже один и два квартала
Мы не спеша прошли вдвоем.
Она не знала,
Как мечталось
Мне
Стать опорою ее.
А ведь когда-то было-было...
Ее рука меня спасла.
Меня ли?..
Может, нет числа
Спасенным ею...
Позабыла...

Идем то быстро,
То потише.
За нами голоса слышны:
В пальто расстегнутых мальчишки
Глядят на нас со стороны.
И видят:
Возле парапета
Склонились тихо —
У Невы —
Два непохожих силуэта —
Две седые головы.

«Рабочая хроника». Артист А. Арефьев — Горелов, заслуженный артист РСФСР В. Расцветаев — Егор.

Фото М. Строкова.

ТЕАТР

ПО ЗАКОНАМ ДОБРА

У этого Федора Таланова удивительно ясный, чистый взгляд голубых, по-детски широко распахнутых глаз, и улыбка — то смущенная, то растерянная, то чуть ли не заискивающая, улыбка и взгляд доброго, открытого навстречу людям человека. И потому, какие бы резкие, колючие слова ни произносил Федор, словно нарочно стремясь побольнее обидеть близких, мы понимаем: это бродит в нем горе, еще не переболевшая обида, это он свой стыд перед родными скрывает за дешевой мальчишеской бравадой. Именно мальчишеской, потому что в высоком и на вид уже много пережившем человеке живет прежняя душа ребенка, когда все должно быть бескомпромиссно — любовь и ненависть, вера и надежда. Эта святая, непоколебимая бескомпромиссность рождает и убежденность Федора в своей слитности со всем русским народом, защищающим родную землю, в своем праве на месть от имени каждого русского человека. И столь сильно, могуче его чувство, что даже фашисты вынуждены признать в нем легендарного Андрея, неуловимого руководителя подполья.

Так играет Федора Таланова В. Расцветаев в «Нашествии» Л. Леонова, поставленном на сцене Пермского драматического театра А. Новиковым, и весь спектакль словно озаряется изнутри теплым светом его лучистых глаз, обретая мажорное, оптимистическое звучание.

Ощущение радостной встречи с богатыми, щедрыми душою людьми остается и после спектаклей режиссера Г. Чодришвили — «Рабочая хроника» Б. Черенева и «Синие дожди» Ю. Петухова; режиссера Е. Лифсона — «Большое волнение» Н. Дворецкого... Даже такая, казалось бы, безысходная в своем глубоком, неразрешимом трагизме пьеса Т. Уильямса, как «Стеклянный зверинец», к тому же наделенная некоторой долей патологизма,— в режиссерском прочтении Е. Лифсона и превосходном актерском исполнении (Л. Мосолова, С. Болдырева, В. Расцветаев и В. Гинзбург) окрашивается в более светлые тона.

И в большом монументальном полотне «Царь Федор Иоаннович» А. Толстого, осуществленном режиссером И. Бобылевым в декорациях Н. Ломоносова, главной темой спектакля становится не трагедия безвольного царя, а острый поединок активной, действенной, но слишком доверчивой доброты Федора (В. Расцветаев) и Ирины (В. Михайлова) с расчетливостью, хитростью Годунова (П. Вельяминов).

Разные режиссеры в разное время ставили спектакли, которые привозил Пермский драматический театр на гастроли в Москву. Но как бы ни отличались эти постановки друг от друга — именами авторов пьес, сюжетно и тематически, всем своим образным строем, — их роднит общая тенденция, определяющая, как мне представляется, основное направление, основной поиск театра в целом — утверждение красоты и благородства души человеческой как одного из главных залогов моральной устойчивости, духовного здоровья общества.

И для этого совершенно не обязательно, чтобы спектакль венчал счастливый конец. Немало произведений из репертуара Пермского театра заканчивается грустным, незавершенным аккордом, предоставляющим зрителю право самому додумывать возможный финал развернувшихся событий. Ведь и Полина Метелева (Г. Нелина) — героиня «Синих дождей», и две подружки — Люба (Г. Нелина) и Зойка (С. Болдырева) из «Рабочей хроники», и гордая красавица Катя (Г. Лунина) из «Большого волнения» не обретают в пределах спектаклей зримого, осязаемого личного счастья. Зато как много людей, ощутив хотя бы частицу их душевной силы, уже не захотят, не смогут, не будут жить по-прежнему — в себе и для себя, а значит, эстафета добрых дел будет подхвачена множеством новых рук.

И, наверное, не случайно именно в «Рабочей хронике», пьесе, рожденной непосредственно в театре, на местном, пермском, материале, нашла свое наиболее зримое отражение эта главная для театра тема.

В числе действующих лиц спектакля значится некая Фадеевна (Л. Мосолова), персонаж отнюдь не центральный, состоящий по сюжету лишь в отдаленном родстве с основными героями — рабочей семьей Гореловых. Фадеевна в силу преклонного возраста давно не у дел, и единственная ее забота и радость в жизни — коза Мариша, тоже порядком престарелая, и в представлении Фадеевны скорее ее бессловесная подруга, нежели домашнее животное.

Вроде бы законченный комедийный персонаж. Но вот в семье Гореловых намечается трещинка — откололся Федор (П. Самошин), наотрез отказался вернуться из столицы под отчий кров, на родной завод, да еще и Любу, невесту брата Егора (В. Расцветаев), увлек своими цветистыми разговорами. А тут еще и Зойка (С. Болдырева), невеста Коли, внука Фадеевны, начала заглядываться на Егора. Оно понятно: дело молодое, Коля — далеко, Егор — близко. Другая на месте Фадеевны либо по старости ничего бы не заметила, не поняла, либо накричала на молодежь по праву того же старшинства. Вроде бы не замечает происходящего вокруг и Фадеевна Мосоловой, только ее пристальный, живой, изучающий взгляд поверх очков вдруг невольно приковывает к себе внимание, и уже невозможно оторваться от этих умных, синих, совсем молодых глаз, в которых и сочувствие, и понимание, и немой укор, и огромная материнская любовь к детям. Ни нотаций, ни приказов. Так, сядет на скамеечку рядом с молодыми, вспомнит что-то из своей жизни, — и такой обобщающей силы образ встает за скупыми словами старухи, такой житейской мудростью повеет от них, что примолкнет молодежь, задумается глубоко. А Фадеевна, глядишь, уже трусит старческой рысцой к верной своей Марише, и только глаза блестят озорно и вызывающе.

По строгим законам добра и справедливости, чистоты и возвышенной дружбы стараются жить и герои «Большого волнения» — члены рыболовецкой бригады Суходоева (П. Самошин), промышляющей на Байкале. Все молоды, нет среди них Фадеевны, но живет в них строгая рабочая совесть, по которой сверяют они свои поступки.

...Когда возвращаешься мысленно к спектаклям Пермского драматического театра, из их многокрасочного ряда выступают фигуры актеров — яркие, своеобразные, крупные. Еще одна особенность этого коллектива — наличие интересных актерских индивидуальностей во всех возрастных категориях, а точнее — многогранность дарований, дающая возможность В. Расцветаеву, например, играть такие разные по возрасту героев роли, как царь Федор и старый Агабо из пьесы О. Иоселиани «Пока арба не перевернулась», Федор Таланов и Том Уингфилд в «Стеклянном зверинце»; а Л. Мосоловой сегодня выступать в роли Фадеевны, а завтра — еще сравнительно молодой и, уж во всяком случае, весьма молодящейся Аманды Уингфилд, матери Тома.

В «Рабочей хронике» З. Шерстневская исполняет роль матери Егора и Федора, настоящей рабочей матери и жены, доброй, заботливой, отзывчивой, умной, а в «Синих дождях» это хитрая, старая кулачка...

Во многих спектаклях занята С. Болдырева, но как не похожи ее героини, хотя играет она всюду своих сверстниц...

И тем обиднее, что при наличии такого большого количества интересных актеров, профессиональной, способной решать крупные задачи режиссуры на пермской сцене иногда появляются спектакли крепко выстроенные, но словно бы мертворожденные. Можно понять стремление театра отметить знаменательную дату 100-летия Парижской коммуны. Но «Париж, 1871-й» М. Агатова, к сожалению, не дает возможности ни режиссуре, ни актерам создать на сцене хотя бы подобие живых человеческих характеров.

Не принес победы театру и спектакль «Пока арба не перевернулась»...

Пермскому драматическому театру по плечу творческие задачи любой трудности. Только важно, чтобы он никогда не отступал с пути, им же самим избранного.

Н. БАЛАШОВА

Площадь имени В. И. Ленина.

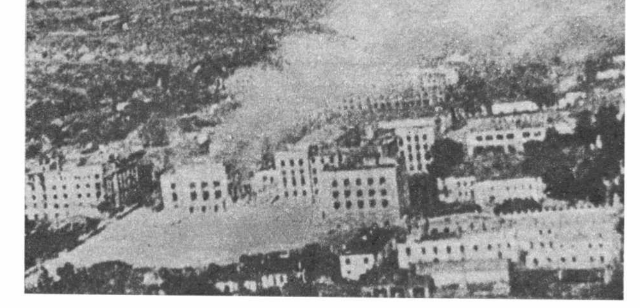
БРЯНСКУ — 825 ЛЕТ

Вл. ПАВЛОВ
Фото А. ГОСТЕВА.

В Брянске есть обычай: молодожены по дороге из Дворца бракосочетаний на свадебное торжество непременно останавливаются у Памятника брянским партизанам и возлагают цветы к его подножию. Эти цветы — знак великой благодарности молодых тем, кто в тяжелейших боях против гитлеровских захватчиков на лесных тропах Брянщины отстаивал завоевания Октября, счастье будущих поколений советских людей.

За восемьсот двадцать пять лет своего существования — с 1146 года, когда в летописи впервые упомянута Брянская крепость,— город не раз вставал на пути иноземных захватчиков.

БРЯНСКИ

Брянск в день освобождения.

Эта «тридцатьчетверка» первой ворвалась в Брянск 17 сентября 1943 года.

Партизанское местожительство Михаила Гудакова.

Шофер первого класса коммунист Михаил Гудаков.

Леса, окружающие Брянск, видели наездников Батыя, гремели здесь выстрелы войск Наполеона. И мужики из лесных сел брались за вилы и топоры и нападали на французские обозы...

Пушки, сделанные на знаменитом брянском «Арсенале», на месте которого нынче встал завод «Дормаш», били по врагу на Бородинском поле и на Шипке, в Болгарии...

Но никогда ни сам Брянск, ни окружающие его леса не видели такого размаха народной войны против оккупантов, как в годы Великой Отечественной.

Побудь в лесу и оглянись вокруг —
Увидишь на сосне от пули рану.
Сосна в бою, как самый лучший друг,
Своим прикрыла телом партизана.

Эти строчки принадлежат перу партизанского летописца и поэта Федора Александровича Костина. Ныне Костин — председатель городского комитета народного контроля. А в годы войны, в трудный сорок первый, восемнадцатилетний рабочий брянского завода «Дормаш» Федя Костин был разведчиком знаменитой партизанской бригады, которой командовал секретарь Брянского горкома партии Дмитрий Ефимович Кравцов и которая приняла его имя после того, как Дмитрий Ефимович пал в жестоком бою...

Поистине каждая сосна в знаменитых Брянских лесах прикрывала своим телом партизана и из-за каждой сосны гремели партизанские выстрелы по оккупантам!

Откуда они, те необыкновенные стойкость и мужество, с которыми брянские партизаны бились с гитлеровскими захватчиками?.. Они родились не на пустом месте, а стали прямым продолжением славных революционных традиций, которыми издавна славился Брянск. Ведь еще до революции в городе действовало немало крупных по тем временам заводов, среди которых первенствовал Брянский завод — один из ведущих предприятий машиностроения в России.

Брянские рабочие не раз поднимались против угнетателей.

Уже в девяностых годах на Брянском заводе организовался кружок, называвшийся «Союзом сознательных рабочих», который возглавил стачечную борьбу.

В девятьсот третьем возник Орловско-Брянский комитет РСДРП под руководством большевика, сподвижника Ильича И. Дубровинского. Через него на брянские заводы и фабрики шла ленинская «Искра».

К октябрю семнадцатого власть во многих районах города фактически принадлежала большевикам.

А в мае 1918 года был создан Брянский уездный исполком во главе с коммунистом-ленинцем Игнатом Фокиным, имя которого ныне носит один из районов города.

...Если уж мы с самого начала заговорили об обычаях, нельзя не вспомнить еще один — посвящение в рабочие, что совершается на Брянском машиностроительном заводе у обелиска, на камне которого выбиты знаменитые «Брянские правила».

Эти «Правила» — они регламентировали внутренний распорядок заводской жизни — были прочитаны Владимиром Ильичем Лениным, который в мае 1918 года предложил, чтобы конференция представителей национализированных заводов «одобрила или, посредством резолюции, узаконила внутренний распорядок по типу брянских правил...».

По «Брянским правилам» трудились рабочие города в горячие дни первых пятилеток, брались за оружие и уходили в леса в трудную годину гитлеровского нашествия. По этим же ленинским правилам работают они, украшают, строят новый, прекрасный город Брянск.

Вот еще один из рабочих, причастный к строительству нового Брянска,— бывший командир партизанского отряда, а ныне шофер первого класса и секретарь партийной организации Бежицкой автоколонны № 21 Приокстроя Михаил Григорьевич Гудаков. Более полумиллиона километров наездил Михаил Григорьевич без единой аварии. Во всем Брянске не найдется, пожалуй, такого крупного сооружения, в строительстве которого не принимал бы участия Гудаков со своим верным «ЗИЛ-157». Недаром за успехи в истекшей пятилетке Михаил Григорьевич награжден орденом Октябрьской Революции.

А построено за пятилетку в Брянске много. Приукрасились новыми домами, кинотеатрами, школами его зеленые улицы, на которых всегда царит образцовая чистота. Только жилая площадь выросла на четыреста тысяч квадратных метров. Встали новые цеха на заводах и фабриках, объем промышленного производства которых возрос на семьдесят семь процентов. Что за продукцию они выпускают? Тепловозы, судовые дизели, поезда-рефрижераторы, что строятся на заново отстроенном и реконструированном Брянском ордена Трудового Красного Знамени машиностроительном заводе, ирригационные и дорожные машины, выходящие из ворот заводов «Дормаш» имени Пятидесятилетия Октября и «Ирмаш», миллионы метров тканей, произведенных Брянским камвольным комбинатом, автомобили, станки...

Всего этого брянский рабочий класс уже добился. Все это еще одна высота на пути к коммунизму, взятая и освоенная навсегда. А впереди новые дела и новые свершения девятой пятилетки.

О том, каким будет Брянск через пять лет, мы говорили с председателем горсовета Евгением Яковлевичем Евдокимовым. Он рассказывал о будущих домах (в городе предстоит построить восемьсот тысяч квадратных метров жилой площади) и о будущей кольцевой дороге, что скоростной магистралью свяжет воедино все четыре городских района, разделенных поймами Десны, Болвы и Снежети. Он говорил о будущих кинотеатрах и дворцах культуры, о будущих больницах, школах, троллейбусных линиях.

И передо мной открывался Брянск, каким он станет к своему восьмисоттридцатилетию. Древний и вечно новый и молодой город боевых красных партизанских ленточек и рабочих брезентовых рукавиц...

Е ВЫСОТЫ

НОВОЕ СЛОВО О ЛИТЕРАТУРЕ

Литературоведение — та область, в которой издавна, а в наше время более, чем когда-либо, с особой остротой отражается идеологическая борьба. Наиболее распространенные положения современной буржуазно-идеалистической эстетики содержат в себе прямую атаку на основополагающие принципы советской литературы, советского искусства. И, конечно, самым действенным оружием в этой борьбе служат труды ученых, разрабатывающих с марксистско-ленинских позиций коренные вопросы литературоведения. Таким оружием явилась недавно вышедшая книга М. Б. Храпченко «Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы».

Главный пафос этого исследования состоит в неоспоримом утверждении неуклонного поступательного развития литературы. Анализируя смену художественных направлений на протяжении нескольких веков, автор подчеркивает, что каждый этап в истории литературы и искусства свидетельствует о процессе их роста и обогащения новыми духовными и эстетическими ценностями. Самые высокие достижения русского реализма XIX века обусловлены стремлением художников слова защитить «принципы социальной справедливости, такое поступательное общественное развитие, которое привело бы к устранению неравенства и угнетения человека». Следующим огромным шагом вперед стало искусство социалистического реализма, ибо в нем отразились «реальные пути коренного обновления общества... реальные силы, призванные уничтожить социальное неравенство, подавление человека человеком».

Среди отличительных особенностей социалистической литературы М. Б. Храпченко прежде всего выделяет ее народность. Она выражается в том, что «народные стремления, чувства, идеи, воплощаемые этой литературой, органически соединены с социализмом... с процессами строительства нового общества». «На этой основе возникает и развивается партийность социалистической литературы,— пишет далее ученый. — Важнейшую особенность принципа партийности составляет то, что писатель открыто становится на защиту социализма, исторического дела рабочего класса, народа, дела, осуществляемого под руководством Коммунистической партии».

К числу концепций, против которых ведет бой М. Б. Храпченко, принадлежит и провозглашение бессознательности художественного творчества. Последняя точка зрения ярко выражена, например, в работах австрийского отступника от марксизма-ленинизма Эрнста Фишера. Считая идеологию «суммой упрощенных и деформированных идей и истин о действительности, в которых заинтересованы правящие круги общества», идейным началам творчества художника, его общественным позициям Фишер противопоставляет непосредственные впечатления от действительности и полагает, что лишь они способны привести к созданию подлинных художественных ценностей. Советский ученый, привлекая обширный материал из истории мирового литературного процесса, неопровержимо доказывает: «Для того, чтобы наблюдения над явлениями действительности стали тем, что с полным основанием может быть названо жизненной правдой, необходим не только отбор фактов, но и определенный взгляд на процессы, происходящие в окружающем нас мире, то или иное отношение к ним. И чем шире круг явлений, который наблюдает и изучает писатель, чем они сложнее, тем более важны охватывающие эту сложность обобщающие, живые идеи, тем более необходима общественная позиция автора произведения».

В самой глубокой внутренней связи с этим тезисом М. Б. Храпченко разрабатывает вопрос о творческой индивидуальности, творческой личности художника. Специально указывая на часто встречающееся противоречие между субъективной тенденцией писателя и объективным результатом его труда, исследователь, в частности, приводит следующий пример: «Художественные обобщения, созданные Тургеневым в романах «Рудин», «Накануне», «Отцы и дети», шире той общественно-политической тенденции, которая лежала в их основе». Произведения истинного художника, стремящегося раскрыть реальную действительность во всей ее сложности, отразить сущность наблюдаемых им общественных явлений, содержат в себе, как правило, прогрессивные идеи. И, естественно, «чем значительнее творческая личность писателя, тем теснее его связи с миром, тем сильнее в нем социальное».

Особенно высоки требования, предъявляемые в этом смысле к советскому писателю, потому что советская литература не только исследует действительность, но и утверждает новые начала в ней, чем чрезвычайно усилена воспитательная функция литературы в нашем обществе. И здесь решающую роль играет слияние идейного кругозора и таланта, иначе не будут созданы произведения, способные удовлетворить растущие духовные потребности широкой читательской аудитории.

Изложенным выше не ограничивается круг проблем, затронутых в книге М. Б. Храпченко. Большое внимание уделяет ученый таким серьезным вопросам, как типологический подход к литературным явлениям, как проблема стиля — одна из наиболее спорных в литературоведении.

Работа М. Б. Храпченко, во многом по-новому решающая сложные вопросы литературной теории, является крупным и ценным вкладом в советскую науку о литературе.

Н. ЦВЕТКОВА

М. Б. Храпченко. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. Издательство «Советский писатель».

УРОК ЖИЗНИ

«Опасная переправа» — произведение прежде всего правдивое. Трудный период революционного перелома в жизни казахского народа, ломки человеческих характеров, становления национальной интеллигенции нашел в романе И. Есенберлина самобытное и впечатляющее художественное освещение.

Главный герой романа поэт Буркут долгое время барахтается в путах буржуазно-националистической демагогии. Переправа к новому берегу для него — цепь потрясений, жестоких испытаний, невозвратимых утрат. Автор раскрывает замысел своего произведения необычно. Буркут находится под влиянием и давлением сильных и ловких, уверенных в правоте своего дела врагов Советской власти — сына бая неистового Акпара, волевого и умного Каражана... К пониманию и приятию революции, дружбы с русским народом Буркут идет от противного: двурушничество, бесчеловечность, подлость, предательство бывших баев и царских служак, выставляющих себя «истинными патриотами казахской земли, народными радетелями», ранят сердце поэта, дают толчок к прозрению, политической и эмоциональной грамотности. Выход Буркута с извилистых тропок на широкий тракт народной жизни составляет содержание напряженного и лаконичного романа И. Есенберлина. На малой площади писатель сумел вместить жизнь долгую, судьбы трудные, характеры сложные, социальные. Произведение выписано строго и скупо. Кажущаяся сценарность повествования по сути своей есть тщательный отбор фактов жизни и нацеленности изобразительных средств. Автор никогда не забывает, что темпераментность в литературе — это вовсе не безудержность; сдержанность — родовые муки таланта.

Но сжатость и лаконичность в повествовании И. Есенберлина все-таки выливаются порой в скороговорку, беглость в обрисовке некоторых характеров, событий. Это снижает ценность книги, хотя и является как бы обратной стороной достоинств: сдержанности, сжатости. Однако жизненность всего происходящего в романе, точность психологических деталей заставляют верить в истинность чувств героев — верить, несмотря на то, что мы не всегда знаем все подробности их душевных переживаний.

Роман «Опасная переправа» — художнический труд сильного нравственного накала. Слова Буркута «Я понял свою ошибку» — это не просто итог урока жизни для самого героя романа. И для читателя они приобретают качество эстетической категории, имеющей значение объективной истины.

Сергей НИКИТИН

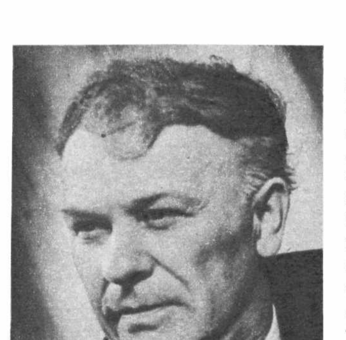
Ильяс Есенберлин. Опасная переправа. Роман. Авторизованный перевод с казахского Ю. Домбровского. Издательство «Советский писатель».

НА ПЕРЕДНЕЙ ЛИНИИ

Имя замечательного украинского поэта лауреата Государственной премии СССР Миколы Нагнибеды хорошо известно в нашей стране.

В одном из своих юношеских стихотворений он сказал:

Склонюсь над картою
Отчизны —
О, сколько радостных дорог!

Эти строки стали как бы программой творчества поэта. За сорок лет литературной деятельности он немало походил по родной земле, воспевая ее величие и красу, силу и мужество человека, дружбу советских народов. По меткому выражению Максима Рыльского, «Нагнибеда любит жизнь в ее прекрасной будничности, но ему по сердцу и высокие взлеты героизма. Отсюда — ощутимая романтическая струя в его поэзии, отсюда — приподнятые, торжественные и вместе с тем задушевно-простые баллады...».

В лирических стихах, поэмах, балладах чувствуется сердце поэта-патриота, во всем идущего от глубины жизни, безгранично влюбленного в нее. Его любимые герои — честные люди труда, люди подвига. Нельзя не согласиться с Александром Прокофьевым, который в статье о поэте сказал: «Когда читаешь стихи М. Нагнибеды, в душу вливается дух уверенности и, я бы сказал, прочности бытия. Чувствуешь, что стоишь обеими ногами на родной земле и никаким врагам с этой земли тебя не столкнуть...»

Особенностью творческого почерка Миколы Нагнибеды является его героико-романтическое видение мира, идущее от реального, земного, от великой правды жизни. Отсюда у него и тяготение к созданию остросюжетных стихотворений, баллад, поэм, в которых раскрываются героические натуры, люди сильных характеров — люди труда и ратного подвига. Эта особенность красной нитью проходит сквозь десятки его поэтических сборников, изданных на Украине и переведенных на русский, белорусский и другие языки.

Особый интерес в творчестве М. Нагнибеды представляют стихи, посвященные В. И. Ленину. Создавая образ Ленина, поэт продолжает лучшие традиции советской поэтической Ленинианы. Цикл стихотворений о Ленине из книги «На поле битвы» был удостоен в 1970 году Государственной премии УССР имени Тараса Шевченко.

В стихах Миколы Нагнибеды мы видим единство романтического взлета, романтической экспрессии с великой правдой бытия. Он поэт внимательный и чуткий к самым тонким движениям души человека, и в этом одна из особенностей его таланта, служащего благу родного советского народа.

Микола Нагнибеда встречает свое шестидесятилетие с творческим горением, присущим его характеру поэта-коммуниста.

Олег КИЛЫМНЫК,
профессор, доктор филологических наук

В СТРОЮ РАБОТАЮЩИХ КНИГ

Чем дальше удаляет нас движение истории страны от грозовых дней Великого Октября, в ярком пламени которого родилась и наша советская литература, тем все большие трудности приходится испытывать исследователям при создании учебника или учебного пособия по литературе. Как в выборе авторов, так и произведений, которые бы наиболее полно характеризовали этапы развития отечественной литературы, особенно ее современного этапа. В самом деле, попытки «списочно» (сохраняя полноту и кажущуюся объективность) представить процесс хотя, может быть, и полезны с точки зрения познавательности, но мало эффективны в учебном плане, ибо «проглоченный» учащимся список не дает представления о сути предмета, о характере периода. Вероятно, наиболее эффективным и уже отчасти апробированным методом создания учебного пособия является метод комплексного сочетания обзора и монографических глав, которые бы необходимо дополняли и взаимообогащали друг друга. В этом, в частности, еще раз убеждает новое учебное пособие «История русской советской литературы».

«История русской советской литературы». Под редакцией проф. П. С. Выходцева. Издательство «Высшая школа». Москва.

Над ним работали многие ленинградские ученые. Естественно, в том, чтобы весь богатый и сложный материал, представленный в солидном, капитальном труде, не выглядел суммой статей разных авторов, а был единым и оригинальным учебным пособием (а именно таким воспринимается учебник), большая заслуга его редактора профессора П. С. Выходцева. Пожалуй, впервые в нашей практике создания учебных пособий по русской советской литературе использован не только значительный исследовательский материал по периодам развития литературы и по творчеству отдельных писателей, но и личный опыт таких известных ученых, как В. В. Бузник, А. А. Горелов, Л. Ф. Ершов, В. А. Ковалев, И. К. Кузьмичев, Е. И. Наумов, А. И. Хватов и другие.

Особое внимание авторским коллективом было уделено методологическим принципам создания учебника. В нем сохранена традиционная периодизация советской литературы, подтвержденная как историей развития науки о литературе, так и предшествующим опытом преподавания этого предмета. Социологический анализ если и не подчинен эстетическому, то, во всяком случае, не довлеет как в общих разделах книги, так и в монографических. И, наконец, само изложение литературно-исторического материала в хронологической последовательности служит выявлению закономерностей естественного, неизбежного возникновения, становления и развития в русской литературе метода социалистического реализма. Каждый этап в развитии нашей литературы, подчеркивают авторы, обогащал метод, открывал в нем неограниченные возможности для отдельных художников и для литературы в целом. Неизменными оставались лишь сами принципы партийности и народности, которые всегда были и есть верный компас как для писателя, так и для историка и критика литературы в создании и оценке художественного произведения. В этом я вижу главный и основной идейный пафос пособия.

Он состоит из шести глав, названных в соответствии с периодами развития страны: «Литература периода революции и гражданской войны», «Литература двадцатых годов», «Литература тридцатых годов», «Литература Великой Отечественной войны», «Послевоенная литература» и «Литература на современном этапе». В каждой главе органично соединены общий обзор и очерк о творчестве того художника, наибольший расцвет которого приходился на этот период развития отечественной литературы. Например, литературный портрет М. В. Исаковского совершенно справедливо помещен в главе «Литература тридцатых годов», ибо в это время его поэзия достигла высшего расцвета и представляла собой действительно эпоху в советской лирике.

Учебное пособие—жанр глубоко специфический. Он предполагает не только краткость, но еще и емкость изложения той или иной проблемы простым и ясным языком. И как бы хотелось добавить — эмоциональным, ярким. Но последнее обстоятельство, к сожалению, часто предается забвению. Не разрушает в целом эту печальную традицию и учебник, о котором идет речь. Правда, ряд монографических глав написан интересным, живым языком.

И все же творческому коллективу ленинградских ученых удалось приблизиться к тому ожидаемому варианту яркого и самобытного учебника, который так нужен нам в процессе преподавания отечественной литературы. Подтверждение тому — факт, что в каталогах магазинов и библиотек учебник значится под индексом «дефицит». Учебник стал в строй работающих книг. А это и есть в конечном итоге свидетельство его несомненного успеха.

Бор. ЛЕОНОВ,
кандидат филологических наук

Григорий ХАИТ

ГЕОГРАФИЯ ЛЕНИНСКИХ СТРОК

САМАРСКИЕ ПИСЬМА

В Полном собрании сочинений В. И. Ленина самое раннее из его писем датировано 1893 годом. Оно было найдено сравнительно недавно в Челябинской области, на чердаке дома, где жил один из знакомых Владимира Ильича, П. П. Маслов. А какова судьба еще более ранних писем Владимира Ильича? Каковы пути их поиска? Тот же П. Маслов утверждал: «Мое знакомство с Владимиром Ильичем началось с переписки в 1892 году». Именно тогда Владимир Ильич послал на Урал Маслову в ответ на его работу по экономическим вопросам большое письмо-статью. Но оно, как свидетельствует Маслов, «так и осталось лежать на Урале зарытым на чердаке, но сохранилось ли оно, я не знаю». Поиски этой ленинской корреспонденции пока не увенчались успехом. Но мы все же смогли прочитать строки, вышедшие из-под пера 22-летнего Владимира Ульянова.

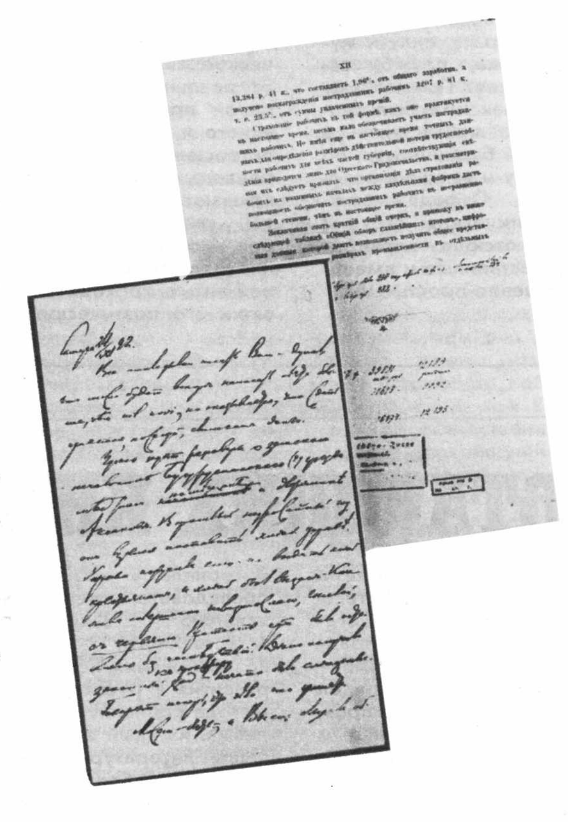
Среди бумаг публициста В. В. Водовозова мне удалось в конце 1965 года найти письмо Владимира Ульянова, датированное 24 ноября 1892 года (по старому стилю) и посланное им из Самары,— оно напечатано в журнале «Вопросы истории КПСС», 1966, № 3. Это настоящий памфлет. Из опубликованной «Переписки семьи Ульяновых» выясняется содержание части еще одного самарского неразысканного ленинского письма от 10 декабря 1890 года.

Так, шаг за шагом, открывается то, что, казалось, навечно кануло в Лету. Но в силу многих обстоятельств удалось узнать далеко не все имена тех, кому писал молодой Ильич. А выяснить это очень важно, ибо только так можно нащупать тропу поиска новых крупиц ленинского литературного и эпистолярного наследия.

Почти ежедневно пополняю картотеку добытых из архивов сведений о людях, которые общались с Владимиром Ильичем в Поволжье, и в частности в Самаре. В этом городе, отбыв ссылку в Степном крае, поселился П. С. Анненков. В мемуарах его сына, художника Юрия Анненкова, напечатанных в одном из эмигрантских журналов, рассказывается, что после отъезда Владимира Ильича в 1893 году из Самары между ним и П. С. Анненковым «...завязалась переписка. В письменном столе отцовского кабинета долгие годы бережно хранились ленинские письма...», которые были начертаны «...с большим количеством недописанных слов». Но куда они девались, мемуарист не сообщает.

Среди близких товарищей П. С. Анненкова по ссылке был издатель и переводчик Г. Ф. Львович. Его перу принадлежат переводы на русский язык произведений Лафарга, Каутского, Бернштейна. Он вел отдел о России во французской «Большой энциклопедии». Позже, в 1905—1906 годах, Львович издал часть переведенной Владимиром Ильичем еще в сибирской ссылке книги К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» под названием «К. Каутский. Сборник статей». В 1910 году с этим издателем долго велись переговоры о выпуске сборника аграрных трудов В. И. Ленина. Теперь выяснилось, что еще лет за 20 до того Г. Ф. Львович переписывался с Владимиром Ильичем, жившим тогда в Самаре. В одном из фондов Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС сохранилось несколько страниц, написанных Львовичем в конце 1892 — начале 1893 года, они посылались из Берна. Автор, человек известный в русских и зарубежных социал-демократических кругах, признавался: **«Ульянов обменялся со мной двумя письмами, и я пришел к сознанию своей полной беспомощности...»**

Как здорово было бы найти именно эти два письма молодого Владимира Ульянова! Но Г. Ф. Львович умер в 1911 году, и судьба его архива неизвестна.

Первая страница самого раннего (из разысканных) письма В. И. Ленина и пометки Владимира Ильича на полях книги А. А. Микулина.

ШИФР «СКЛАД»

Отрадно, что не исчезли бесследно отзвуки и тех писем, что были посланы Владимиром Ильичем из Сибири. Недавно в первом томе книги «В. И. Ленин. Биографическая хроника» появились ссылки на существование еще пяти неизвестных ранее ни в подлинниках, ни в копиях писем Владимира Ильича, адресованных руководителям группы «Освобождение труда». Сведения о них подсказала переписка А. И. Ульяновой с П. Б. Аксельродом, относящаяся к 1897—1899 годам и хранящаяся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Вчитываешься в нее и узнаешь, каких трудов стоило Анне Ильиничне наладить более или менее сносную связь Владимира Ильича с его тогдашними единомышленниками, находившимися за рубежом: «Письмо Ваше я переправила тотчас же дальше (в Шушенское.— **Г. Х.**),— писала Анна Ильинична 3 июля 1897 года,— но, к сожалению, получила только что его обратно! Придется переписать и снова послать; жаль ужасно, что получит он (В. И. Ленин.— **Г. Х.**) его гораздо позднее!.. Письмо туда и назад идет... месяц».

Проходит год, и 9 июня 1898 года Анна Ильинична продолжает сетовать: «Представьте, например, что на днях только получила я письмо Ваше ко мне и моему приятелю (В. И. Ленину.— **Г. Х.**), от 8. XII. 1897 г.!»

В ту же пору Владимир Ильич просил П. Б. Аксельрода: «Пока же хорошо бы и то, если бы Вы писали иногда хоть тем способом, который употребляете со «старым приятелем» Вашим (Анной Ильиничной.— **Г. Х.**). Тогда можно будет нам не прерывать сношений, а это — самое главное».

Как сделать пересылку корреспонденций более надежной? Анна Ильинична тогда же отмечала, что «...способ, которым он (В. И. Ленин.— **Г. Х.**) предлагал писать, гораздо лучше. Может быть, Вы найдете его более удобным? Дайте и мне верный адрес...».

Последняя фраза проясняет кое-какие детали предложенного Владимиром Ильичем способа. Для того, чтобы письма наверняка доходили, нужно пользоваться верным, нейтральным адресом. Такой адрес был найден. На него, например, в конце 1899 года из Сибири за границу было послано знаменитое «Антикредо» — протест 17 ссыльных социал-демократов, направленный против «экономистов», отрывавших рабочих от активной политической борьбы с самодержавием. Рукопись этого исторического документа, написанного В. И. Лениным, была переслана П. Б. Аксельроду, как он сам свидетельствовал, «...через адрес, который я дал сестре Петрова (В. И. Ленина.— **Г. Х.**)».

Таким образом, выяснилось, что письма Ленина за границу шли на нейтральный адрес. А как пересылались ответы на них? Оказывается, что и в Москве, где жили тогда Ульяновы, был подобран надежный нейтральный адрес, на который из-за границы шли замаскированные послания.

В одном из писем А. И. Ульяновой П. Б. Аксельроду читаем:

«Адрес: Moscou, M-lle Olga Guirche.

Посылать туда можно только письма, а не книги. Краткостью адреса не смущайтесь,— особа с положением[1]...

Пишите, пожалуйста, Ваш приятель (В. И. Ленин.— **Г. Х.**) скучает без писем от Вас. С указанного выше адреса буду ему пересылать!»

Итак, найден адрес, через который члены группы «Освобождение труда» обменивались корреспонденциями с В. И. Лениным в пору его пребывания в сибирской ссылке. Адрес оказался надежным.

Очень важно узнать, как они писались — тайнописью, шифровались? Ответ был получен неожиданно. В Центральном партийном архиве оказалось и письмо практика группы «Освобождение труда», адресованное В. И. Засулич: «Дорогая Вера Ивановна. Адрес, про который Вы спрашивали, такой: Госпоже Ольге Гипш (правильно — Гирш.— **Г. Х.**), Москва. Шифром служит слово «склад».

Итак, найден не только адрес, но и шифр. И если удастся установить, что тот же шифр употреблялся и при отправке писем Владимира Ильича за границу, то нас еще ждет немало открытий. Ведь возможна и такая ситуация — ленинские письма попали, например, в руки жандармов и не расшифрованными до сих пор лежат где-нибудь в полицейских архивах. Будем считать это предположение основой для нового поиска ленинских документов.

Не следует уходить и от того, что расшифрованные письма Владимира Ильича остались не у руководителей группы «Освобождение тру-

[1] Гирш — владелец склада строительных материалов и квартир для студентов на Малой Бронной. Дочь Гирша — Ольга, знакомая Ульяновых,— оказывала посильную помощь московским социал-демократам.

А. Осипов (Якутск). ПРАВЛЕНИЕ КОЛХОЗА.

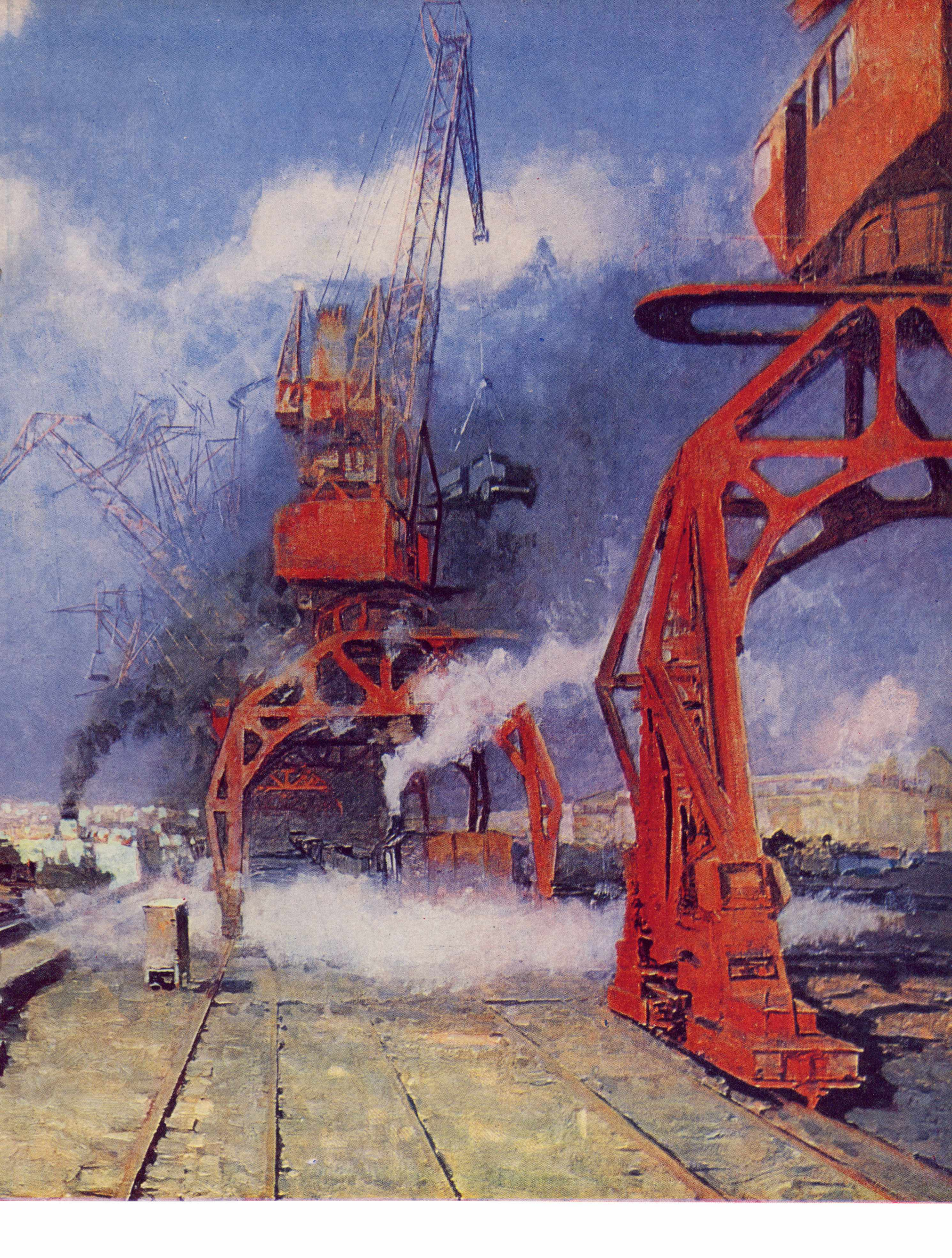
Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

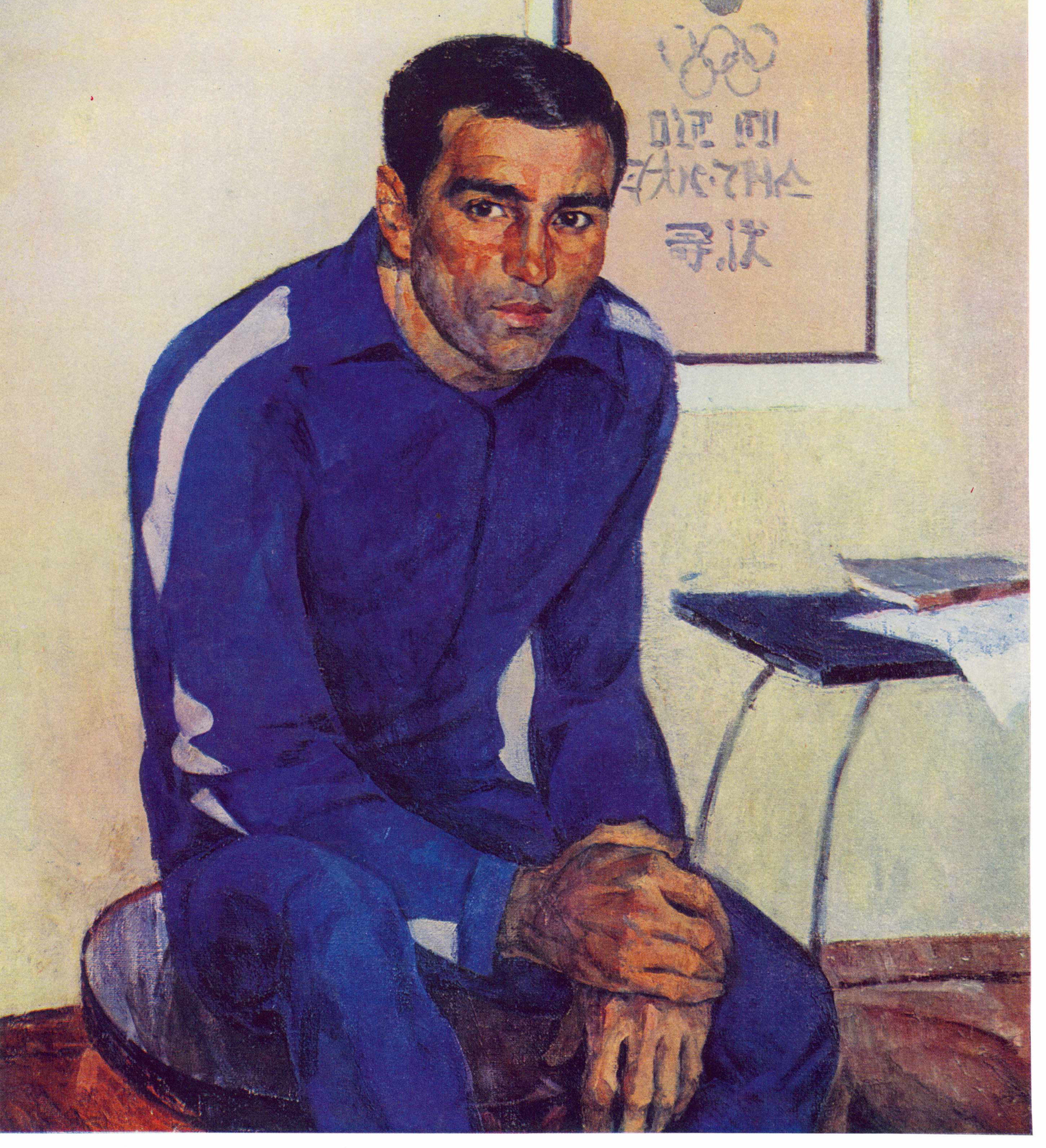
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Н. Кузнецов (Казань). КАЗАНЬ — ПОРТ ПЯТИ МОРЕЙ.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

Х. Курбанов (Махачкала). ПОРТРЕТ АЛИ АЛИЕВА.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

да», а у ее практиков. Ведь В. И. Ленин в письме П. Б. Аксельроду еще в 1895 году подчеркивал: «...Вы просили прямо к ним обращаться. Тогда сообщите: 1) знают ли они наш способ и ключ; 2) знают ли, от кого идут эти письма».

«ГОВОРЯЩИЕ» КНИГИ

В письме Надежды Константиновны Крупской родным Владимира Ильича от 17 октября 1899 года есть такие строки: «...У Володи охота скоро прекратится. Он сидит теперь над Веббом. Приходится работать ему одному, так как вдвоем еще дольше выходит. Работа довольно скучная, ибо перевод плохой, приходится переводить почти заново».

Известно, что в сибирской ссылке Ленин редактировал и переводил труд Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма». Тогда-то Владимир Ильич пользовался (для сравнения) немецким изданием этой книги. Но куда же девались тома на немецком?

Попробую ответить. И тогда непременно придется побывать во многих городах, перерыть не одну сотню библиографических карточек и томов. Почему? Да потому, что ряд книг Владимир Ильич оставил в Сибири; некоторые из них исследователи ранее отыскали в Минусинском краеведческом музее, притом с ленинскими пометками. Массу книг Владимир Ильич, отбыв ссылку, забрал с собой, в «Россию». Потом «сибирские» книги посылались Ильичу его родными за границу. Там он передавал их на временное хранение в «Библиотеку и архив РСДРП» и другие библиотечные собрания. Известно, что многие ленинские книги вернулись на родину. Но еще в 20-е годы часть их разместили в общей массе томов библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Все это, конечно, затрудняло поиски.

И вот удача. При большой и ощутимой помощи Маи Давыдовны Дворкиной, заведующей секцией библиотеки ИМЛ при ЦК КПСС, все же удалось найти там именно те два тома работы Веббов на немецком языке (как и две другие работы с пометками В. И. Ленина). Эти книги Владимир Ильич штудировал в Шушенском. На их страницах оказалось множество подчеркиваний и замечаний Владимира Ильича. Он отмечал неверно переведенные слова, неуклюжие словосочетания и пропущенные немецким переводчиком авторские примечания.

Кроме них, там же, к великой радости, нашлись еще две книги: А. А. Микулин «Фабрично-заводская и ремесленная промышленность Одесского градоначальства, Херсонской губернии и Николаевского Военного губернаторства. Одесса 1897» и «Сборник сведений по России, 1896 г. СПб 1897». На полях и этих книг оказалось множество драгоценных ленинских пометок.

Примечательна история книги Микулина. Вместе с другими томами она пропутешествовала из Шушенского в Москву, Псков, в Женеву, Париж, была в библиотеке РСДРП и вместе с ней хранилась в Парижской русской тургеневской библиотеке. Гитлеровцы вывезли тургеневскую библиотеку в Берлин, затем она попала в Польшу. Победной весной 1945 года советские солдаты нашли этот том. Его передали в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина. Когда же выяснилось, что этого произведения нет в библиотеке ИМЛ при ЦК КПСС, его отдали туда. И только теперь выявилось, что на полях именно этого экземпляра статистического сборника есть ленинские пометки. И как!

Сколько раз от Ленина доставалось народническим, либеральным статистикам за их любовь к «средним, спокойным», все затушевывающим цифрам! В одной из таблиц, помещенной в сборнике Микулина, говорится, например, об Одесской швейной мастерской дамского платья, принадлежавшей А. Ф. Соколовой. Там 15 портних получили за 262 рабочих дня (по 10 часов каждый) 815 рублей. Сумма вроде солидная. Но вот Владимир Ильич делает на полях книги обличительный подсчет и вывод из него: «...54 рубля в год. 20 копеек в день!» Таких переоценочных ленинских подсчетов много на полях этого сборника. Они то теснятся колонками, то убористо написаны карандашом на полях, то широко начертаны тонким пером, черными чернилами. Небезынтересно, что именно эти пометки позволили (пусть частично) предположить, на каких вопросах остановился В. И. Ленин в своей (известной по его шушенскому письму, но не разысканной до сих пор) заметке о книге А. А. Микулина.

Яркое представление о том, как Владимир Ильич развенчивал народнических статистиков, дают его пометки и на полях «Сборника сведений по России, 1896 год». Есть там таблицы в разделе «Табачное производство». Они насыщены цифрами. Однако среди них не оказалось ни одной, которая бы четко и ясно давала представление о мизерной оплате каторжного труда рабочих табачных плантаций. Именно такой вывод и сделан Владимиром Ильичем в пометках на полях!

Все время идет поиск книг с пометками Ильича. Путей для этого немало. Известно, что в семье Ульяновых, несмотря на все мытарства и переезды, бережно хранились книги, некогда принадлежавшие Владимиру Ильичу. Некоторые из них, естественно, оказались позднее в его личной библиотеке в Кремле.

Занимаясь восстановлением ленинской части «Библиотеки и архива РСДРП», автор этих строк в конце прошлого года начал археографическое исследование личной библиотеки Владимира Ильича Ленина в Кремле. И вот первые результаты — отыскались еще две работы, сохранившие ленинские пометки. Это статья К. Р. Качоровского «Разложение общины под влиянием малоземелья» (вырезка из журнала «Новое слово» № 10, 1897 г.). Ее Владимир Ильич читал еще в Шушенском, и его пометка в конце статьи свидетельствует, что она понравилась В. И. Ленину. Его же пометки есть и на полях «Начального курса разговорного английского языка Г. Свита», изданного в Лейпциге в 1900 году.

РУКОЙ ТОВАРИЩЕЙ И ДРУЗЕЙ

— Почерк не ленинский, но работа, письмо его.— Эти слова можно часто услышать от экспертов — ведущих специалистов секции документов В. И. Ленина Центрального партийного архива.

Подобное указание постоянно помнишь, когда ведешь поиск ленинских строк.

Многие десятилетия лежали в семейных архивах письма, конспекты и другие материалы боевого соратника Владимира Ильича, умершего в ссылке, Анатолия Александровича Ванеева. Но вот настало время, и драгоценные реликвии навечно помещены в Центральный партийный архив. Лист за листом просматриваю новое, еще не исследованное, не опубликованное— выписки из экономических, социологических работ, сделанные рукой Ванеева. Поражаюсь глубине и разносторонности его интересов! Но что это?.. Раскрыт очередной лист. Сверху строка ванеевского комментария (да и все две, исписанные с лица и оборота страницы, о которых сейчас пойдет речь, написаны его рукой): «Опровергает утверждение референта». А дальше! Знакомый текст, хорошо известная таблица. Да ведь это же фрагменты реферата-статьи Владимира Ильича «По поводу так называемого вопроса о рынках», изложенного им в Петербурге осенью 1893 года! Знаем, что ленинскую работу переписывали его товарищи, но ведь раньше ни один такой экземпляр никому не попадался. А авторский, ленинский, текст был найден только в советское время и впервые напечатан в 1937 году.

Но, может быть, все, что скопировал Ванеев,— точное воспроизведение текста рукописи, по которой реферат печатается в Полном собрании сочинений В. И. Ленина? Беру первый том, сверяю с ванеевскими выписками. Нахожу разночтения. Они подтверждают ранее высказанное специалистами мнение о том, что после выступления в кружке осенью 1893 года Владимир Ильич редактировал свой реферат-статью.

Таким образом, до нас дошли (пусть только в фрагментах) две страницы начального варианта одной из первых петербургских работ 23-летнего Владимира Ульянова, дошли такими, какими они были созданы в 1893 году!

А рядом страничка — список литературы по кожевенно-сапожной, башмачной промышленности. Он составлен А. А. Ванеевым. В конце одной из его строк — карандашная звездочка, а внизу сноска — точная отсылка к источнику. Она написана тоже карандашом и рукой Владимира Ильича. Это еще один неизвестный ленинский автограф сибирской поры.

Сведения о рукописях и других материалах Владимира Ильича того же времени подсказали документы советского периода.

Старый большевик рабочий А. С. Шаповалов отбывал вместе с Владимиром Ильичем ссылку в Сибири. В 1929 году он снова приехал в Красноярск. Работал там в архивах. Результат этой поездки Шаповалов изложил в отчете о научной командировке, где он писал: «...успел найти в архиве написанную для меня т. Лениным жалобу Енисейскому губернатору».

Эта жалоба сохранилась до сих пор в Красноярском краевом архиве, написанная рукой Шаповалова. Но теперь мы знаем, что текст ее ленинский. Этот документ очень важен для изучения юридической деятельности Владимира Ильича в ссылке.

Розыск, исследование архивов друзей и товарищей Владимира Ильича позволили мне восстановить содержание **тридцати** его еще не разысканных писем 90—900-х годов и даже обнаружить закавыченную цитату из одного ленинского письма конца сибирской ссылки.

ИСКАТЬ ВСЕГДА, ИСКАТЬ ВЕЗДЕ

У поисков документов Владимира Ильича Ленина есть своя география. Исследователи прокладывают курс по ним, дотошно «расспрашивая», анализируя воспоминания современников и знакомых В. И. Ленина, их переписку.

Сколько раз рукописи ленинских трудов (которые, казалось бы, нужно искать в архивах редакций журналов) оказывались в частных руках. Не случилось ли такое, например, и с рукописью заметки Владимира Ильича «Ответ г. П. Нежданову», опубликованной в журнале «Жизнь», декабрь 1899 года? В Полном собрании сочинений В. И. Ленина он печатается по тексту журнала. А где же рукопись? В архиве журнала «Жизнь» ее не оказалось. Зато там нашлось письмо Ф. А. Липкина (П. Нежданова), с которым полемизировал Владимир Ильич. Там, в частности, говорится: «У меня в настоящее время рукопись Ильина (ответ мне). Мне очень хотелось бы, чтобы она появилась в печати, но в таком виде, какой она имеет теперь, цензор ее ни за что не пропустит. Я предлагаю внести в нее изменения цензурного свойства, чтобы она могла пройти. При этом я, во всяком случае, места измененные приведу и в подлиннике...»

Значит, существовала писарская копия и подлинник статьи с чужой правкой! Выходит, что в журнальном тексте есть изменения, которых не было в первоначальном варианте ленинского «Ответа». Тем интересней отыскать оригинал. Но удастся ли это? Будем надеяться.

В другом письме Ф. А. Липкина есть такой вопрос: «Как быть со статьей Ильина?» О какой из них идет речь? «Капитализм в сельском хозяйстве», напечатанной тогда же в «Жизни»? Возможно.

...Этот очерк я начал с рассказа о том, что на Урале в советское время были найдены письма Владимира Ильича 90-х годов, посланные П. П. Маслову. Но теперь выяснилось, что при розыске ленинских корреспонденций, адресованных Маслову, учитывались далеко не все места, где они могли бы быть спрятаны.

Об этом поведало письмо самого П. П. Маслова. В нем речь шла о переводной работе, посылавшейся в «Петербург на имя В. И. (Ленина.— **Г. Х.**)». Притом письмо шло из станицы Поляковской, Троицкого уезда, Оренбургской губернии. У кого жил там Маслов? Документы государственного архива Оренбургской области позволили ответить на этот вопрос точно— у своего родственника, В. Е. Глинина. Но ведь никто и никогда не знал об этом и не искал в станице Поляковской, у наследников Глинина, ленинские документы, в том числе и его письмо-статью 1892 года!

Путей для выявления того, что было написано Владимиром Ильичем, становится все больше и больше.

Поиск продолжается.

ВОЗВРАТА НЕТ

ПОВЕСТЬ

Анатолий КАЛИНИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Накормив и проводив с утра всех на работу, а внука в детский сад, Антонина обычно успевала к их возвращению и на задонский огород съездить и, переправившись обратно, разогреть обед, накрыть на стол. На этот же раз она задержалась на переправе из-за того, что станичные паромщики поругались и чуть не подрались, сдавая друг другу смену. Когда вошла к себе во двор, Никитин с Ириной уже обедали вдвоем за столом в доме на веранде.

Еще издали она услышала их голоса. О чем-то негромко говорили они. Вдруг что-то толкнуло ее. Если бы не то, из-за чего она рассорилась с Настюрой, то, возможно, теперь бы и не замедлила она шаги, не приостановилась в коридорчике перед полуприкрытой на веранду дверью. Но, может быть, и потому, что, еще ничего не разобрав, не поняв из их разговора, она вдруг ощутила какое-то неприятное беспокойство.

Ее невестка разговаривала с Никитиным таким тоном и с той свободой, которая как будто говорила, что у нее есть на это право. Сама Антонина за многие годы жизни так и не научилась разговаривать с ним в таком тоне.

— Это каким же образом? — насмешливо спрашивала у него Ирина.

Перед своей совестью Антонина чиста была — она их подслушивать не собиралась. Но коль так получилось, значит, ей до конца нужно узнать, по какому праву она могла так разговаривать с ним.

— Каким образом? — с вызовом повторила Ирина.

Некоторое время Никитин не отвечал ей, а когда заговорил, голос его был скорее похож на ворчание:

— Ну, у женщин, говорят, есть много способов.

— Ты же сам просил не доводить пока до разрыва.

— Это совсем другое. Я же показывал тебе эту яму.

— Если бы ты мне ее раньше показал...

Антонине трудно было стоять перед дверью, а в коридоре было невыносимо душно. Отступая за полуоткрытую дверь, она прислонилась спиной к каменной стенке.

Невестка испуганно спросила у Никитина:

— Кто-то вошел?

Под его шагами застонали половицы на веранде, и, потянув на себя дверь, он плотно прикрыл ее.

— Нет никого.

Из-за двери их голоса зазвучали глуше. В духоте коридора Антонина обливалась потом, хорошо, что стена, к которой она прислонилась, была такой холодной. В прошлом году Никитин сам сложил веранду из серого камня.

— И все-таки ты могла бы ему не позволить, — настойчиво сказал он за дверью.

— Это уже что-то новое. Ревнуешь?

— Во всяком случае, мне не обязательно было знать...

Теперь уже с насмешкой нескрываемое презрение сплелось в голосе у отвечавшей ему Ирины:

— Вот даже как?! И это могло бы тебя утешить?

Пот заливал грудь и спину Антонины. Но ей уже не жарко было, а так холодно, как никогда еще в жизни. Каменная стена леденила ей не только спину. Больше всего боялась она, что у нее уже не хватит сил оторваться от этой стены и выскользнуть из коридора, уйти отсюда прочь. Вдруг все их слова и обрывки их разговора, смысла которых она сперва никак не могла понять, сразу соединились, связались с тем, что давно уже подтачивало ее и во что она с негодованием отказалась поверить, услышав это от Настюры. Все вдруг осветилось. Все она сразу поняла, и ни единого слова больше, ничего уже не надо было ей слышать из того, о чем они говорили между собой, — это уже была не ее, а их жизнь. Вся ее прошлая жизнь с ним сразу оборвалась, кончилась и теперь уже навсегда останется там, за порогом. Ей же надо только найти в себе силы, чтобы, не помешав им, выбраться отсюда.

Позже она лишь смутно помнила, как ей все-таки удалось неслышно выскользнуть из коридора, и потом она оказалась в погребе вниз лицом на лежанке, на которой, бывало, спасалась летом от нестерпимого зноя.

Очнулась от пронизавшей ее мысли о Григории. Ни на секунду у нее не возникло бы сомнения, как ей теперь поступить, что ей, и притом немедленно, не откладывая, сделать самой, если бы не он. Теперь же получалось, что одной и той же петлей его захлестнуло вместе с ней. И пока она не сумеет помочь ему освободиться от этой петли, у нее нет и не может быть никакого своего горя. Если он все еще так ничего и не знает, надо не допустить, чтобы это своей неожиданностью сбило его с ног, раздавило его. Если же знает, но все еще не сумел найти выхода, все равно безотлучно побыть рядом с ним, пока он не найдет этот выход. У молодых всегда бывают свои решения, и то, что она сама избрала для себя, не обязательно должно подойти и ему. Даже обязательно не подойдет. Своим преждевременным вмешательством можно не помочь, а только помешать ему.

Но если так, то, значит, требуется от нее теперь только одно: ждать. Все время быть настороже, когда ее помощь может понадобиться ему. И дома, в семье, делать все, что она делала до сих пор, как если бы ничего, ровным счетом ничего не изменилось у них в семье, в доме. До света вставать, готовить, кормить, провожать на работу и в детский сад, встречать, обстирывать, полоть огород и ложиться всегда позже всех, как всегда она делала до сих пор. Все делать, как прежде, чего бы это ни стоило ей. Решительно отодвинув в сторону свою собственную беду, пока все это несчастье еще висит над головой ее сына.

И, должно быть, все это не так уже плохо удавалось ей, потому что за все время Никитин лишь один-единственный раз и взглянул вдруг на нее внимательно, с тревожно загоревшимися в глазах огоньками, спросив:

— Что это, мать, у тебя по три раза надо спрашивать об одном и том же? Как у глухой.

Ничего иного не оставалось ей, как сделать вид, что и на этот раз она не услышала его. Это было то единственное, в чем она так и не смогла преодолеть себя: не могла заставить себя отвечать ему. Как будто действительно сразу стала глухой ко всему тому, что он мог ей сказать. На все то, что обычно так и взыгрывало, с такой радостной готовностью откликалось в ней на один только звук его голоса, повесила замок.

А спать она из дому перешла теперь в сад, сославшись на то, что уже поспел виноград и ребятишки уже шастают через заборы за ним.

Окончание. См. «Огонек» №№ 34—37.

Она никому не хотела мешать.

Все ее внимание обратилось теперь на него, своего сына. И, припоминая теперь все-все, она беспощадно истязала себя за то, что, занятая собой, не поспешила к нему на помощь тогда, когда, может быть, еще не поздно было ему помочь.

Нет, он, конечно, все давно уже знал, иначе не просил бы так, не умолял: «Давай, Ириша, уедем отсюда». И если скрывался от нее, своей матери, то, видно, на что-то еще надеялся и пока что топил свои надежды в вине. А может быть, и ее жалел. Страшно было ему при мысли о том, что вместе с матерью захлестнуло его одной и той же петлей. Из боязни причинить ей боль и сам скрывал от нее свое горе. В себе переживал, а это всего труднее.

Он и в детстве всегда ее берег, хоть и не ласкался никогда, стыдился. Старался раньше ее схватиться за ведра, чтобы сбегать к Дону по воду, накосить резаком для коровы травы. Встречал корову из стада, и за лето, бывало, на всю зиму заготовит дров, наколет и аккуратно сложит за кухней под навесом. Никогда не требовал от матери ничего лишнего, не тянул с нее, до студенческих лет безропотно ходил в перелицованном, а когда уже уехал в техникум, всегда, отрывая от своей стипендии, присылал ей гостинцы. И теперь, получается, продолжал ее беречь, хотя это же, если разобраться, из-за нее оказался несчастным. Своими руками она ввела в их семью того, кто теперь стал поперек его молодого счастья. Поперек всей его жизни.

Но и теперь он хочет молча справиться с этим сам, скрываясь от нее и все еще на что-то надеясь, питая и заглушая вином свои надежды. Придет тот час, когда уже и вином нельзя будет залить тот пожар, который иссушает, испепеляет его душу. Ей это хорошо было известно. С тем большей тревогой предчувствовала, подстерегала она наступление этого часа.

И все же она отказалась поверить, что час этот уже наступил, когда Григорий однажды вернулся домой задолго до того, когда обычно он возвращался с работы. Ей уже не раз приходилось открывать калитку ему, пьяному, но не в такое время. И пьяному не до такой степени, чтобы лицо у него стало совсем белым. Она молча посторонилась в калитке, пропуская его. Не поднимая головы, он пробрел мимо нее, и тут вдруг она увидела у него на плече двуствольное охотничье ружье. Все так и задрожало в ней, но, помогая ему на веранде снять с плеча ружье и усаживая за стол, она спросила спокойным тоном:

— А это откуда у тебя?

Не поднимая головы и качая ею из стороны в сторону, он тем не менее не захотел оставить у нее в руках ружье, а поставил его между колен.

— У нашего сторожа взял.

— Зачем?

Тут же она пожалела, что не удержалась, спросила об этом. Ей пока не следовало спрашивать — пока он был пьян. И тогда бы она, может, не услышала от него тех слов, которые он, поднимая голову, выговорил ей в лицо. Еще больше испугало ее, что взгляд у него вдруг оказался совсем ясным, трезвым, когда, подняв голову, он прямо взглянул на нее:

— Я его должен убить.

И опять уронил голову. С острой жалостью она окинула взглядом его узкие плечи, худую грудь, бледные руки с длинными узловатыми пальцами, сжимавшими ружье. Шея у него стала совсем тонкой, могло показаться, что большая лохматая голова вот-вот оборвется, покатится по столу. Вдруг покраснев под ее взглядом так, что большие веснушки слились у него на лице в сплошное коричневое пятно, а слезинки выступили в уголках глаз, он пояснил:

— Я его, мама, из этой двустволки убью.

— Исподтишка? — спокойно, и сама удивляясь своему спокойствию, спросила она.

— А он меня по-честному ударил? Говорят, за убийство по ревности больше восьми лет не дают. Отсижу и вернусь. Я еще молодой.

Нет, не такой он был пьяный. У пьяных не бывает такого осмысленного взгляда, и они не станут отвечать с такой беспощадной обдуманностью.

— Вот ты какой, сынок, а я и не знала.

— Ой, мама, я без нее жить не могу!..

И голова его закаталась по столу из стороны в сторону. Она и рукой не двинула, хотя ей очень хотелось зарыться пальцами в его волосы, как маленького, ладонью погладить его. То время, когда он мог успокоиться от такой ласки, безвозвратно ушло. Да и волосы у него, некогда мягкие, шелковистые, загрубев, давно уже превратились в жесткую, без единого завиточка щетину.

— Убить, Гриша, ты его, конечно, сможешь, если, исподтишка, а так он тебе сразу же переломит хребет, я его руки знаю. Но если бы ты и сумел, права у тебя на это нет. Нет, Гриша, такого права, чтобы из-за этого один человек другого жизни лишал.— Она протянула руку и потрогала ружье, зажатое у него меж колен.— У тебя там две пули?

Не поднимая головы, он ответил:

— Две.

— Значит, и для меня там есть?

Голова его так и вскинулась над столом, ужас расширил его зрачки.

— Что вы, мама?

— А то, Гриша, что если ты его убьешь, то и мне тогда не жить. Конечно, если он уйдет или,— она помедлила,— я от него уйду, мне будет тяжело, но все-таки я буду знать, что он где-то рядом живет. Не для того же я, сыночек, его под яром от смерти сберегала, чтобы он ее теперь от твоей руки принял.

И она решительно протянула руку, выворачивая у него ружье из колен. Не сопротивляясь, он позволил ей это сделать, покорно спросив:

— Что же мне, мама, теперь делать?

Вот когда она могла позволить себе зарыться пальцами в его спутанные волосы, как давным-давно.

— То, сыночек, что ты раньше и сам хотел.

Его голова притихла под ее рукой.

— Что, мама?

Уже едва справляясь с собой, она закончила почти шепотом:

— Пока уехать куда-нибудь, а там видно будет.

Еще неделю после этого он побыл дома, возвращаясь по вечерам из ветлечебницы совсем трезвый, и потом завербовался, уехал под Кустанай, на целину. Теперь наступил и ее черед.

Вот когда она могла порадоваться, что так и не нашлось покупателя для ее дома на Красном яру.

То самое женское станичное радио, которое безотказно действовало еще и при Степане Разине, вскоре передало от порога к порогу, что к дому на яру, куда недавно вернулась его хозяйка, подъезжала перед вечером председательская «Победа» ОХ-98-68. Вышедший из машины Никитин позвякал вделанным в калитку железным кольцом. Калитка не открылась и после того, как он побарабанил — сперва тихо, а потом сильнее — в угловое окно согнутым пальцем. В окне зажегся свет, угол белой занавески отвернулся и тотчас же завернулся обратно.

Никитин еще немного постоял у окна, прошелся по проулку мимо дома взад и вперед и вернулся к машине. Взрокотал мотор.

Сразу же вслед за этим из калитки в длинной белой рубашке вышла Антонина. Не обращая внимания на холодный, уже осенний ветер и на то, что с низкого неба срывались капли дождя, она долго стояла у калитки и смотрела вдоль проулка, впадающего в степь, туда, куда, ощупывая дорогу и подпрыгивая на кочках, удалялся пучок желтого света. Стояла, пока не растворился он в темноте, а может быть, и скрылся в ближайшей балке.

Только после этого вернулась в дом, и тут же в ее окне погас огонь.

...При последних словах Коротковой и Егоров невольно оглянулся на уже подсиненное поздним осенним вечером окно. Уже районный поселок окутался сетью звездного света. Там, где эта зыбкая сеть спускалась с неба зачерпнуть Дона, трепетали сквозь мглу, сквозь туман огоньки дальних хуторов и станиц. Как стаи перелетных гусей, выбирающих, где им приземлиться на ночь.

* * *

Через неделю снова собрались члены бюро. И вновь перед их взорами парил над осенним Задоньем яр, если только его не заслонял, выдвигаясь из-за книжного шкафа своим плечом, председатель бирючинского колхоза Никитин. Но вообще-то он большую часть времени просидел на своем месте спокойно, положив на колени большие руки. Прямо напротив него, у самой двери, пристроился на краешке стула тоже приглашенный на заседание бюро маленький и тщедушный директор бирючинской школы.

— Вот это уже другое дело,— бегло оглянув их, с удовлетворением заметил председатель райисполкома Федоров.— Теперь картина обещает быть более полной.

Но у райпрокурора Нефедова было, оказывается, на этот счет свое мнение:

— А как же с Кашириной? Опять без нее обсуждать? Так и не съездил к ней никто?

Все увидели, как пошевелились руки на коленях у Никитина, выступавшие из-за шкафа, но он не убрал их с колен.

— Нет, это не совсем так,— сказал Егоров. И когда он, покашливая, продолжал отвечать райпрокурору, в его голосе всем почудилось какое-то смущение.— В том-то и дело, Андрей Иванович, что ездили.

— А... Я этого не знал. Конечно, еще лучше, если бы она теперь здесь сама была. Кто же, Алексей Владимирович, к ней ездил? Сухарев?

— Нет, Андрей Иванович, я.

Так и ахнул Неверов:

— Вот это да! Это вам, Алексей Владимирович, медаль «За отвагу» надо выдать.

— Да, я сам решил к ней съездить,— уже тверже повторил Егоров.— Правда, на ночлег к ней я не просился, как здесь советовали... Да и какой тут ночлег, если оттуда до райцентра езды меньше часа. Так бы она скорее догадалась. Правда, она и так догадалась.

По лицу Неверова расплылась улыбка живейшего удовлетворения.

— И, конечно, Алексей Владимирович, учитывая ее характер, ваша миссия закончилась...

— Признаться, я и сам так сперва подумал. Минут десять давал у ее дома сигнал и кричал у ворот: «Хозяйка!» Совсем уже собрался заворачивать назад. Но оказалось, что она в самом дальнем углу сада была, какую-то яму землей засыпала.

При этих словах Егорова все взоры одновременно повернулись к Никитину. Он сидел между шкафом и окном с лицом, черным, как ночь. На давно небритых щеках золотилась щетина. Лишь чуть-чуть пошевелилось у него плечо. Но и этого было достаточно, чтобы не стало видно в окне яра.

Один только прокурор продолжал смотреть на Егорова ожидающими глазами.

* * *

Так вот какой он вблизи, этот дом на яру, который можно было увидеть из окна райкома. Действительно большой, и забор — рукой не достать. К стыду своему, Егоров до самого последнего времени — до того, как на заседании бюро не всплыла вся эта история с Никитиным,— знал о хозяйке этого дома лишь понаслышке. Из-за глухого забора едва виднелась черепичная красная крыша. И никакой не было возможности докричаться хозяйки этого дома.

Понаслышке знал о ней Егоров, как об одном из тех в недалеком прошлом председателей колхозов, которые некогда гремели на всю область и потом по разным причинам сошли со сцены. Как говорится, выпали из номенклатуры. Отступили в тень. Живут своими домами, разводят виноград, пчел, пестуют внуков и, случается, мало-помалу спиваются. Но память о них продолжает жить, как тень, существующая сама по себе, отдельно от человека. Тень того человека, каким он был, хотя он еще и есть, не умер. И странно двойственное, грустное и несколько даже жутковатое впечатление всегда производили на Егорова эти встречи с памятью о людях, о которых при жизни уже говорят в прошлом. От которых еще при их жизни отступила в сторону и продолжала жить отдельно их тень.

Так и не докричавшись, он пошел от калит-

ки к машине, не столько обескураженный, сколько втайне удовлетворенный таким оборотом дела. Сама собой отпадала необходимость этой встречи, к которой он, признаться, относился без особенного восторга. Ему всегда было не по душе это должностное вторжение в ту область жизни людей, которую они обычно стремятся скрыть, спрятать от посторонних взоров. А этот случай с Никитиным был, судя по всему, особенно неприятным. И неизвестно, как бы отнеслась к подобному вторжению в свою жизнь хозяйка этого дома. Скорее всего плохо. Иначе не отгораживалась бы она от внешнего мира этим забором и не обзаводилась этим свирепым псом, который так и роет под забором землю, а иногда подпрыгивает над ним так, что его оскаленная рыжая морда показывается между зубьями досок.

Правда, слыхал Егоров, что когда-то, когда хозяйка этого дома еще была не женой председателя, а сама председателем колхоза, была она женщиной общительной. В районе без ее выступления не обходилась ни одна конференция или пленум. Но и как с женой Никитина, не то что с женами других председателей, Егорову так и не пришлось с ней познакомиться до сих пор. С самим Никитиным отношения у него были хорошие, но не такие, чтобы, приезжая в колхоз, Егоров был приглашен им к обеду. Иногда могло показаться, что Никитин как будто даже избегает приглашать к себе гостей. Обычно после заседания правления или партсобрания, на котором присутствовал гость, он вел его не домой, а в столовую, где и демонстрировал свое гостеприимство. Можно было бы подумать, что по скупости Никитин не водит гостей к себе на дом, если бы, бывая вместе с ним в командировках в области, Егоров не убедился в обратном. Там, когда после конференции или пленума делегаты из района собирались за одним столом в ресторане и приходило время расплачиваться, председатель бирючинского колхоза всегда первый доставал свой большой желтый кошелек и никогда не соглашался, чтобы кто-нибудь вступил с ним в долю. «У нас колхозники своему председателю, слава богу, хорошо платят»,— обычно говорил он не без тщеславной гордости.

Конечно, не помешало бы Егорову встретиться перед новым бюро с хозяйкой этого дома, но, как можно было понять, сама она не очень-то была расположена к подобным встречам. А пес ее так и подскакивает над этим высоченным забором. Не по вине Егорова не могла состояться эта встреча, и, значит, придется отложить ее до лучших времен.

И, откровенно сказать, он не слишком-то обрадовался, уже поставив на подножку машины ногу, когда его заставил обернуться женский голос:

— Если вы, товарищ Егоров, ищете Каширину, то это я и есть.

В калитке стояла крупная смуглая женщина с лицом, освещенным насмешливыми серыми глазами.

В этом месте Егоров, прерывая свой рассказ, виновато взглянул на Никитина.

— Вы меня извините, Николай Яковлевич, но я не думал, что ваша... бывшая жена совсем еще не старая женщина. Я, признаться, думал...— Скулы у Егорова покраснели, и он, не закончив какой-то своей мысли, продолжал: — А она, оказывается, еще не только не старая, но и просто красивая женщина.

Все увидели, как краска, прихлынувшая при этих словах к его лицу, как будто передалась на лицо Никитина, но еще более густая. Так, что на него невозможно стало смотреть. Все невольно отвели глаза, только Антонина Ивановна Короткова презрительно покосилась на него:

— Красивая, Алексей Владимирович, это не то слово. Да разве вам, мужикам, настоящая красота нужна!..

И, выпрямляясь на стуле, она сама строго приосанилась. Корона темных, лишь слегка седеющих волос венчала ее голову, ее лицо со все еще удивительно живыми и выпукло чистыми, серыми глазами.

Должно быть, правильно определив причину удивления Егорова и сторонясь в калитке, пропуская его во двор, Каширина пояснила:

— Вы меня не знаете, а я вашу машину давно приметила. И Никитин мне о вас рассказывал. Да цыц ты! — прикрикнула она на большую рыжую собаку.

И это было единственное упоминание о Никитине, которое Егоров услышал от нее в тот день во время их встречи. Потом она уже сама ни разу не вспомнила о нем прямо. Егоров шел за ней по тропинке, по чисто выполотой и разглаженной граблями земле в глубь двора и, взглядывая на ее крупную, статную спину, на спокойную, легкую походку, все больше внутренне удивлялся.

В глубине сада стоял покрытый голубой клеенкой стол. Под деревьями, на которых уже почти не оставалось листвы, рыжели на земле пятна осеннего солнца.

— Садитесь,— сказала она, указывая ему на табуретку и берясь за ручку кувшина, прикрытого полотенцем.— Сейчас я принесу из погреба вина. Я тоже с вами выпью.

Теперь, сидя против нее за столом, на котором стоял кувшин с вином, он мог рассмотреть ее лучше. Может быть, больше всего поражали ее глаза. Вот уж чего меньше всего ожидал он увидеть в них, так это насмешливости. И если бы не проглядывало иногда сквозь нее что-то другое, какая-то темь, ни за что нельзя было бы поверить, что у этой женщины есть основания считать себя несчастливой.

Под ее взглядом он сразу же понял, что она догадалась об истинных причинах его посещения, и поспешил ухватиться за первое подвернувшееся оправдание: он давно уже собирался побеседовать и посоветоваться с ней, как с одним из самых опытных виноградарей в районе.

— Что ж, можно и побеседовать,— спокойно согласилась она, отпивая из стакана вино мелкими глотками.— Хоть я уже и отстала, да и вы, конечно, приехали ко мне не за этим.

У Егорова стакан с вином вздрогнул в руке. Поспешив отхлебнуть из него, он поперхнулся. Вино сохраняло холодок погреба и привкус дубовой бочки.

— Ну, да я и сама давно уже к вам собираюсь.

У него так и отлегло от сердца. Вот и не потребуется искать каких-то подходов, окольных путей. Это же совсем другое дело, чем когда человека насильно вызывают на откровенность, тянут за язык, и после этого всегда остается неприятный осадок. Будто ты заглянул в замочную скважину и твоя же собственная совесть застала тебя за этим нехорошим занятием.

Она поставила стакан на стол, улыбнулась.

— Только не за тем, за чем вы сейчас подумали. За этим я к вам не собиралась и ни к кому не приду. Вы, должно быть, от Антонины Ивановны Коротковой слыхали обо мне?

— И от нее.

— И про то, как я по своей собственной дурости из партии выпала?

— Немного и об этом,— кратко ответил Егоров.

— Вы только не подумайте, что я обратно попроситься хочу. Я знаю, что так сразу это не делается, да и дело это очень давнее уже. Но и жить вот так же дальше не хочу, нельзя мне. Вы же сами видите, как я живу. Одна.— И, снова отхлебнув из стакана, она поставила его на стол.— А того, что вы думали, чтобы я пришла жаловаться в райком или в обком на свою разнесчастную судьбу,— этого не будет. Я, товарищ Егоров, когда с ним слюбилась, ни у райкома, ни у обкома не спрашивалась, и теперь мне из-под вашего кнута его любовь не нужна. Я, слава богу, пятнадцать лет с ним счастливой была, и на том спасибо. У других женщин и этого не было. Может, все это теперь мне в наказание за то, что слишком радовалась своему счастью, когда кругом еще столько горя. Может, так и надо мне за то, что стала я совсем незрячей и сытой своим счастьем. И чтобы он теперь вдруг из благодарности вернулся ко мне — этого тоже мне не нужно. Чтобы он жил со мной, а думал о ней?! Да что я, тюремщица, что ли?!

Чем больше смотрел на нее Егоров и чем дальше слушал ее, тем больше думал, что Никитин, отказавшись от нее, от чего-то такого отказался в своей жизни, чего уже не сможет возместить ему никто другой. Никакая другая женщина уже не сможет заполнить ему эту потерю.

* * *

Давно молчал Егоров. Молчали члены бюро. Как врезанная в раму картина — сверху в светлую голубизну неба, а снизу в темную, почти зеленую синеву Дона и Донца,— обозначался в окне Красный яр.

— И такую женщину на какую-то побрякушку променять,— нарушил молчание Федоров.— Я бы на его месте ей всю жизнь ноги мыл.

Никитин сидел на своем месте, едва видняесь из-за шкафа, наклонив мелкокурчавую медную голову.

Егоров строго заметил Федорову:

— Тебе бы, Виктор Иванович, со своими формулировками надо подождать.

На мгновение Федоров смутился под его укоризненным взглядом, но тут же нашелся:

— Мы еще не знаем, что обо всем этом думает директор школы товарищ Пашков. А он здесь не совсем постороннее лицо. И на бюро мы его сегодня пригласили не для того, чтобы с ним тут в молчанку играть. Как, по его мнению, все это выглядит с точки зрения этики и морали советского педагога?

— Да, да, Максим Максимович, мы бы попросили вас,— сказал и Егоров.

Маленький, с большими залысинами, директор бирючинской школы Пашков, все время молча сидевший у самой двери, встал, выпрямился. Уже давно минуло то время, когда и он, подобно другим фронтовикам, донашивал свою военную форму, но и свой гражданский учительский пиджак он продолжал носить так, как будто на нем все еще был надет его офицерский китель. И теперь, по привычке выпрямляясь, он незаметно одернул руками пиджак.

— Что вы, Виктор Иванович, конкретно имеете в виду? — спросил он у Федорова.

Федоров рассердился.

— К о н к р е т н о я имел в виду крайне низкий уровень идейно-воспитательной работы во вверенном вам педагогическом коллективе.

Директор чуточку побледнел, еще больше выпячивая под пиджаком грудь.

— Я бы все-таки попросил вас, Виктор Иванович, пояснить. Если вы интересуетесь моим мнением об Ирине Алексеевне как о педагоге, то лично у меня к ней претензий...

Негодующе перебивший его голос Федорова сорвался на крик:

— Гнать надо таких педагогов, пока вам, товарищ Пашков, еще не повесили на школу красный фонарь. А за одно с ними гнать и некоторых сердобольных директоров школ, которые...

Он осекся, увидев, как при этом вдруг встал со своего места и, нагнув голову на тугой шее, шагнул из своего угла на середину кабинета Никитин. Только что малиново-красный, он стал алебастрово-белым.

Егоров поспешил вмешаться:

— Вам бы, Виктор Иванович, следовало от своих оценок воздержаться. Вы все-таки на заседании бюро райкома, а не у себя дома.

Никитин еще немного постоял и опустился на стул — на свое место за шкафом. И тут вдруг все неожиданно услышали, что у тщедушного директора бирючинской школы бас еще более густой, чем у того же Федорова. Услышав этот бас, все поняли, что недаром директор школы Пашков носит свой учительский пиджак так, как если бы он все еще продолжал носить офицерский китель.

— А вы на меня, товарищ председатель райисполкома, не кричите, вы только и знаете на учителей кричать. У вас директор школы может целый день в приемной прождать, и потом вы забудете ему стул предложить.

Услышав командирский бас директора школы, Федоров как-то сник и смог только буркнуть:

— Это к данному делу не относится...

Но командирский бас, казалось, и сдерживался в тщедушной груди у директора школы все эти годы для того, чтобы, загремев, показать всю свою силу:

— От вашего крика у всех в районе уже в ушах звенит. Вам бы, товарищ Федоров, пора уже от этих своих замашек отказаться. К вам уже люди перестали ходить.

Багровый Федоров в непритворном изумлении повернулся к Егорову:

— Алексей Владимирович, мы кого здесь сегодня обсуждаем—Никитина или председателя райисполкома?

Егоров успокоил его жестом:

— Не стоит, Виктор Иванович, горячиться. И вас, товарищ Пашков, я попрошу не так громко.

— Виноват, Алексей Владимирович, накопилось.— И все опять услышали, что у директора школы совсем не бас, а, пожалуй, даже тонкий, тихий голос. Но на скулах у него, на чисто выбритых щеках еще долго пылал брызжуще-яркий румянец. — Но если товарищ Федоров хочет услышать здесь от меня, что Ирина Алексеевна плохой педагог, он все равно этого не услышит. Она педагог хороший, Виктор Иванович, хо-ро-ший,— раздельно, по слогам повторил он, как если бы диктовал это слово ученикам на уроке.— У нее лучший класс.

В углу, где сидел Никитин, простонал стул.

— Это еще не все,— не сдаваясь, глухо проворчал Федоров.— Надо же до такого дойти, чтобы в том же самом доме, где ее приласкали, так воду замутить. С такими людьми, товарищ Пашков, ваша школа далеко не уйдет.

Но тут за директора бирючинской школы решительно заступилась Короткова. Взмахом руки она отбросила со лба литые пряди:

— А как же, по-вашему, Виктор Иванович, он должен был с нею поступить? Так недолго и до полного ханжества дойти.

— Если тебя, Антонина Ивановна, послушать, то и Никитин — герой,— вкрадчиво улыбаясь, вставил Неверов.

Короткова повела подбородком в его сторону.

— Никитина я не оправдываю, но и судить его не берусь. Пусть сам себя судит. А за Каширину нам беспокоиться нечего. Одного человека такое убивает, а другого...— у Антонины Ивановны Коротковой всего лишь на секунду неуловимо изменился голос,— может и возвысить. Простить только себе не могу, что не довела я тогда ее дело до конца. В обком и писала и ездила сама, добивалась пересмотра, а когда отказали, не довела до ЦК, бросила. Видно, побоялась. Да что там теперь говорить...

И с этими словами Антонина Ивановна Короткова села на свое место, больше уже до самого конца бюро не проронив ни слова. Лишь по ее уже немолодому, но и теперь еще красивому, властному лицу иногда как будто пробегали тени каких-то воспоминаний. Она хмурила большие брови и, мотнув головой, отбрасывала падавшие ей на лоб пряди. При этом лицо ее приобретало суровое, почти грозное выражение.

— На этом, пожалуй, можно и кончать,— по привычке положив смуглую руку на стекло стола, сказал Егоров.

— А как же решение? — с удивлением спросил Нефедов.

— Какое решение? Я с Антониной Ивановной согласен: за Никитина никто не может решить. А каждый из нас, по-моему, тоже для себя должен сделать вывод, что одиноких людей у нас не может быть. И к неверовщине возврата больше нет.

— При чем здесь я,— возмущенно бросил с дивана Неверов,— если такая была обстановка?!

— Это я, Павел Иванович, не персонально, а фигурально. Вы не согласны?

Под взглядом Егорова тот задвигался, заскрипел пружинами дивана.

— Нет, почему же. Если так же думают и все другие члены бюро, то и я не против.

Егоров обвел всех взглядом.

— Может быть, все-таки кто-нибудь против? — Ответа не последовало.—Заседание бюро считаю закрытым.

— Все-таки как-то странно,— вставая со своего места, заметил Нефедов.

Поздний осенний вечер успел уже перейти за это время в ночь, и на слиянии Дона с Северским Донцом засветилась далекая золотистая точка. Как головка булавки, приколотой к темной груди яра.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

КУШАТЬ НЕ ПОДАНО

Из Главного управления общественного питания Мосгорисполкома в редакцию пришло письмо. «Ознакомившись со статьей «Кушать не подано» («Огонек» № 27),— пишет нам заместитель начальника управления А. НИКАШОВА, — и учитывая актуальность поставленных в ней вопросов, управление обязало тресты и комбинаты питания обсудить выступление журнала на совещаниях руководителей предприятий и осуществить дополнительные меры по расширению практики доставки обедов на дом».

Многие предприятия общественного питания уже практикуют доставку обедов на дом инвалидам, престарелым и другим лицам, которым по состоянию здоровья трудно посещать предприятия общественного питания. Однако значительное расширение доставки обедов на дом всем без исключения желающим сопряжено с трудностями, главной из которых является нехватка кадров и транспорта.

Доставка обедов на дом должна осуществляться малотоннажным транспортом, но в этих автомашинах ощущается особенно острая нехватка. Даже для развозки школьных завтраков нередко приходится использовать неприспособленные автомашины.

В этой связи тов. Никашова пишет:

«Вызывает удивление заявление тов. Лесова, утверждающего на страницах «Огонька», что нам выделяется достаточно автотранспорта».

Несмотря на эти и другие трудности, Главное управление общественного питания будет стремиться шире развивать такую форму обслуживания населения, как доставка обедов на дом.

Еще одно письмо — отклик на эту же статью — редакция получила от управляющего трестом московских ресторанов В. ГОРШУНИНА. «Вопрос о доставке обедов на дом, затронутый в статье «Кушать не подано»,— пишет он,—поставлен своевременно... В настоящее время все рестораны треста имеют производственные возможности дополнительно организовать по заказам населения выпуск широкого ассортимента изделий собственного производства». И так же, как А. Никашова, он ставит вопрос о малогабаритном автотранспорте. И при этом предлагает: «Было бы целесообразно водителей машин содержать в штате ресторанов и доплачивать им за доставку и разноску обедов по этажам».

Публикуя эти ответы, редакция не считает законченным разговор, поднятый в материале «Кушать не подано». Мы хотели бы знать мнение по затронутым вопросам руководителей предприятий общественного питания — как упомянутых в статье, так и не названных в ней. Что же в конце концов тормозит развитие этого дела?

ЕХАЛ НА ЯРМАРКУ...

Ехал на ярмарку торговый работник. Ехал, рассчитывал, что выберет там, на оптовой ярмарке, самые лучшие товары. Такие, которые и продавать и покупать радостно. Оказывается, зря рассчитывал, потому что право выбора сильно ограничено. Все заранее расписано ярмарочным комитетом, Госпланом, Министерством торговли СССР; приложи руку к договорам с указанными предприятиями — и вся коммерция. Кто пытается возражать против навязывания нежелаемого ассортимента, тот наживает неприятности. Могут даже командировку не отметить.

Так что договоры заключаются. Но вот еще интересное обстоятельство: по договорам частенько шлют такое, что лишь весьма смутно напоминает представленное на ярмарке.

Отказаться бы от подобного товара! Не тут-то было. Договор подписан, ассортимент, артикул соблюдены,— попробуй не возьми. И берут. Базы берут, магазины у баз берут... А вот в магазинах уже не берут. Покупатель ведет себя, как на настоящей ярмарке: облюбовал — купил, не приглянулось—в руки не взял. Случается месяцами, а то и годами занимают полки в магазинах и на складах такие товары, которым и название придумано: залежалые. Промышленность же тем временем, знай свое, согласно договору, еще подбрасывает. Интересно получается: по документам эти товары ходовыми числятся, пока с предприятий до баз следуют, тоже ходовые, а как на базы прибыли, сразу становятся неходовыми.

Вот и образцы.

Гродненская швейная фабрика производит на свет платья для школьников и дошкольников. Что за расцветки! Что за ткани! Если бы не размеры, никогда бы не поверил, что дети — цветы жизни — обречены эдакое носить. Надень такое платье на ребенка и считай: кончилось у него детство.

Следующий образец — электрофон «Рогнеда». Из Саратова. Сделан плохо, но стоит дорого. Оформление старомодное, пластинки годятся только одного размера — диаметром 175 миллиметров, и скорость всего одна — 33 оборота в минуту. За первое полугодие 1971 года в минском ГУМе нашлось всего семь желающих приобрести «Рогнеду», а 25 таких электрофонов остались пылиться на полках (стало быть, почти на два года!). И что-то не слышно, чтобы Саратов таким «Рогнедам» расставание пел.

Киеву челом били, чтоб фабрика спортизделий прекратила слать туристские палатки одного — и притом скучного — цвета и без металлической арматуры. Туристы не желают все, как один, жить в палатках цвета хаки и всякий раз лес рубить, чтоб колышками запастись... Но на фабрике люди стойкие — шьют и шьют опостылевшие минчанам палатки.

Протестовала и протестует торговля против детских велосипедов, которые упорно много лет подряд «катит» в магазины город Молодечно. (Поедет дитя направо на таком велосипеде — головой покачают, поедет налево — засмеют); протестовала против магнитолы «Миния-4» Каунасского завода (без ножек, без проигрывателя, некрасивые) — пять штук за полгода в том же ГУМе изловчились сбыть.

...Скоро опять ехать торговым работникам на ярмарку, опять договоры подписывать, в том числе на неходовые товары. Но зачем на них договоры? Не лучше ли положить в основу ярмарок принцип: «Беру, что по душе». Тогда бы на предприятиях задумались: а стоит ли чуть не десять лет кряду выпускать изделия безо всяких усовершенствований, как выпускают стиральную машину «Рига»? И, пожалуй, решило бы руководство предприятий взять пример с минских заводов электрохолодильников и радиозавода имени 50-летия Компартии Белоруссии, которые не за страх, а за совесть пекутся о постоянном обновлении своих холодильников и телевизоров.

Наверняка так было бы лучше. Все-таки за качество сподручнее бороться всем вместе, а не в разрезе ведомственных интересов. В разрезе очень убыточно. Для всех.

А. ЩЕРБАКОВ

Минск.

„СТУКНИ ИХ РАЗОК-ДРУГОЙ...“

Борис СТРЕЛЬНИКОВ

В Аппалачских горах бастовали шахтеры. Это была долгая и трудная стачка, охватившая все шахты графства Логан в штате Западная Вирджиния. Шахтеры голодали, но не сдавались.

Я приехал в этот район, чтобы написать о забастовке, и в первую же ночь был разбужен выстрелами и криками людей. За окном бушевала метель. По стеклу стучала снежная крупа. Где-то лаяла собака. Было темно и жутко.

Утром я узнал: бандиты, нанятые владельцами шахт, обстреляли дом профсоюзного активиста.

Метель стихла. Склоны гор сияли такой белизной, что резало глаза. К маленькому домику, где жил активист — одинокий старик с деревяшкой вместо левой ноги,— была протоптана тропинка. У него уже побывали все шахтеры поселка. В сарайчике около дома местный столяр выстругивал для старика новую деревянную ногу.

Вскочив после первого выстрела, старик схватил отстегнутую от ноги деревяшку и поднял ее над головой, как дубинку, готовый размозжить голову первому, кто ворвется в комнату. Но бандиты не посмели сунуться в дом. Они сделали несколько выстрелов в дверь и убежали. Одна из пуль попала в деревянную ногу и расщепила ее.

Когда я пришел к старику, он сидел за столом и пил кофе из огромной глиняной кружки. Он был стар, но по-прежнему могуч. Морщинистое лицо, в которое въелась угольная пыль. Седой ежик на крупной голове, огромные руки.

— Жалко ногу,—говорил старик, хитро щурясь и отхлебывая кофе.—Очень удобно было в руках держать. Удобнее, чем бейсбольную биту. Ка-ак бы трахнул по черепу, осколков бы не собрали!

Это была действительно замечательная нога. Тяжелая, темная от времени, как будто выточенная из знаменитого железного дерева, изделия из которого я видел во Вьетнаме. И лодыжка действительно как будто прикипала к пальцам — так удобно ее выстрогал мастер. Но как нога она уже не годилась: пуля отбила довольно большой кусок у самого основания, там, где дереву надлежало соприкасаться с культей.

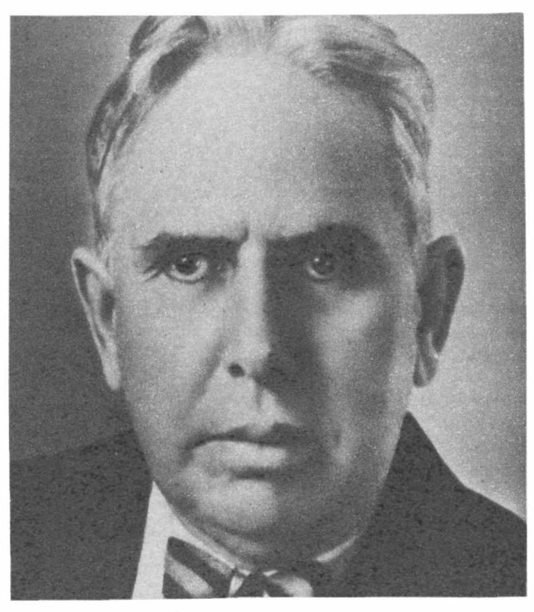
— Самая удобная была из всех,—сказал старик.

Оказывается, с тех пор как в шахтерской больнице ампутировали раздавленную вагонеткой ногу, у него это была четвертая по счету деревяшка. Он всегда использовал их, как дубинку, когда приходилось отражать нападение наемных хулиганов. А таких случаев в его беспокойной жизни профсоюзного организатора было немало.

— Но самой любимой была первая,— вздохнул старик,— та, на которой оставил автограф Теодор Драйзер.

Это было в начале тридцатых годов. Старик тогда был молодым, совсем молодым, хотя уже и с деревяшкой вместо левой ноги. Профсоюза тогда еще не было, его только пытались организовать. Владельцы шахт ответили террором на требование горняков. Полицейские стреляли в пикетчиков. Два шахтера были убиты, многие ранены.

В те дни в графство Логан приехал уже известный во всем мире Теодор Драйзер. Ему посоветовал побывать там руководитель Коммунистической партии США Уильям Фостер.

Теодор Драйзер

— Когда я увидел его, я подумал, что вот таким и должен быть писатель,— вспоминал старик.— Он был огромный, выше меня ростом и, пожалуй, пошире в плечах. Одет он был во все белое: белый костюм, белые ботинки, белая шляпа. В руках у него была тяжелая трость. В таком костюме, да еще с тростью, в шахту, конечно, не полезешь, но я думаю, что он нарочно так оделся. Чтобы произвести впечатление на местных шерифов. Послушали бы вы, как он разговаривал с ними! Голос у него был властный, требовательный. Невежественные шерифы его побаивались. Кто он такой, они толком не знали. Фамилию где-то слышали, как будто знаменитая. Не иначе, кая-то крупная шишка из Вашингтона!

С нами он держался иначе. Он был нашим другом. Больше того, он был участником нашей борьбы. Видно было, что происхождения он рабочего. Помню, однажды он задумчиво сказал: «Нет, я все-таки сделаю так, чтобы о шахтерах Логана услышала вся Америка». И он сделал. Его статьи о нашей борьбе печатались в газетах. Не в «Нью-Йорк таймс», конечно, а в прогрессивных изданиях. И это была большая помощь нам.

Однажды я рассказал ему, что, ложась спать, всегда кладу деревянную ногу рядом с собой, чтобы в нужную минуту была под рукой. Он долго смеялся. А когда я попросил у него автограф, он сказал:

— Обнажи-ка, дружище, свою знаменитую ногу!

И химическим карандашом написал на деревяшке: «Стукни их разок-другой и за меня, да как следует! Теодор Драйзер».

Я выполнил его просьбу,— продолжал свой рассказ старик,— а вот ногу с автографом, увы, не сохранил. Какие-то негодяи прострелили мне грудь, а ногу разбили в щепы о придорожный камень. Еле выходили меня тогда друзья...

Вернувшись в Нью-Йорк, я встретился с известным прогрессивным писателем Джозефом Нортом, который знал Драйзера и был вместе с ним в шахтерском районе Логан в начале тридцатых годов.

— Да, так оно и было,— подтвердил Джозеф.— И белый костюм, и тяжелая трость, и властные, полные достоинства манеры, которые приводили в замешательство тамошних чиновников. Помню, как мы ходили с ним от шерифа к шерифу, разыскивая раненого шахтера, куда-то увезенного полицией. Мы долго разыскивали этого шахтера и боялись, что он уже мертв. И что вы думаете? Драйзер добился, чтобы шахтера освободили. Репортажи Драйзера из Западной Вирджинии частично вошли потом в публицистическую книгу «Трагическая Америка».

Уезжая к шахтерам, писатель захватил с собой несколько экземпляров книги «Драйзер смотрит на Россию», написанной после посещения Советского Союза в 1927 году. Он называл Советскую державу единственной страной, которая установила у себя разумный строй,— продолжал Норт.— Помню, книга ходила по рукам. Ее вслух читали в пикетах. Нет сомнения, что именно благодаря этой книге горняки Америки впервые получили возможность познакомиться с первой в мире страной, где власть принадлежит не угольным баронам и другим богачам, а рабочим и крестьянам.

...Рассказы старого горняка и писателя Джозефа Норта вспомнились мне в те дни, когда весь прогрессивный мир отмечал 100-летие со дня рождения Теодора Драйзера. В Америке эта дата прошла как-то незаметно. Из больших газет одна лишь «Вашингтон пост» посвятила статью этому великому американцу. Статья начиналась так: «100 лет тому назад родился Теодор Драйзер, чтобы создать свои растянутые романы, которые при его жизни проклинали и запрещали... При жизни Драйзера критиковали за грубый, невнятный антистиль, а также за наивную философию, которая была скорее результатом его интуиции, чем интеллектуальности».

Вот так написала «Вашингтон пост» о могучем и мудром художнике, ставшем гордостью американской литературы. Другие газеты, за исключением коммунистической «Дейли уорлд» и мелких газет штата Индиана, где родился писатель, сделали вид, что Драйзера вообще не существовало. И это подчеркнутое молчание буржуазной прессы красноречивее всякой брани свидетельствует о том, что сильные мира сего, нынешние каупервуды, не простили великому писателю ни жестокой правды «Сестры Керри», «Американской трагедии», «Финансиста» и «Титана», ни оптимистической книги о Советском Союзе, ни участия в борьбе шахтеров Аппалачей, ни вступления в ряды Коммунистической партии — шага, который он совершил незадолго до смерти и сам назвал логическим выводом всей своей жизни. Но молчание буржуазной прессы вовсе не означает, что Драйзера не знают и не любят на его родине. Та же «Вашингтон пост» признает, что «сейчас, после долгих годов замалчивания, заметно возрождается интерес к

Драйзеру и его творениям». Газета особо подчеркивает, что к книгам писателя обращаются молодежь, студенты, которых «притягивает отрицание Драйзером буржуазных ценностей, а также крайне левые политические идеи автора». И не случайно, конечно, именно по инициативе студентов в Колумбийском университете (город Нью-Йорк) устроена выставка, посвященная жизни и творчеству Драйзера.

Книги Драйзера притягивают к себе современного американского читателя прежде всего потому, что сам Драйзер остается современным писателем. То, что он увидел и запечатлел в своих книгах — иллюзорность «американской мечты», жестокость «американского образа жизни», трагедию простого американца, алчность, цинизм, лицемерие и ханжество сильных мира сего,—все это актуально для Америки наших дней.

Нынешние шерифы в отличие от аппалачских, о которых рассказывал старый горняк, знают, кто такой Теодор Драйзер и чем он опасен для них. Поэтому и возводят они плотины и завалы на пути читателя к романам Драйзера. Мэр города Терре-Хот, где родился писатель, даже не счел нужным ответить Индианскому университету, предложившему отметить теоретической конференцией 100-летие Драйзера в его родном городе.

И все-таки конференция памяти замечательного писателя состоялась. И состоялась в Терре-Хоте, небольшом городе Среднего Запада, где «по ту сторону дороги» родился и провел свои детские годы будущий автор «Американской трагедии».

Американское выражение «по ту сторону дороги» требует объяснения. Имеется в виду железная дорога, которая, как известно, первоначально прокладывалась на окраине города. Потом город разрастался, и дорога проходила уже по жилым кварталам, становилась границей между двумя мирами. По «эту сторону дороги» был город, магазины, банки, конторы, дома состоятельных горожан. «По ту сторону» селились лишь бедняки, голь, эмигранты и негры. Так вот, сам Драйзер был с «той стороны».

Я не был в Терре-Хоте. Город закрыт для советских журналистов. В справочнике американской автомобильной ассоциации я прочитал: «Город возник на месте военного форпоста, построенного генералом Уильямом Гаррисоном. Здесь родился Поль Драйзер, автор известной песни «На берегах Вабаша», а также его брат Теодор Драйзер, романист. В городе есть музей Поля Драйзера, музей старинных автомобилей, исторический музей долины реки Вабаш и частная картинная коллекция». Музея Теодора Драйзера, судя по справочнику, здесь нет, равно как нет и во всей Америке.

В минувшем месяце по приглашению Индианского университета в Терре-Хоте собралось около 200 литературоведов и писателей, в том числе из Советского Союза, Японии, Швеции и Канады. Были люди, лично знавшие Драйзера, его друзья и родственники. Из Калифорнии приехала его племянница Вера Драйзер, которая работает сейчас над биографией великого писателя. Из штата Коннектикут прилетела секретарша писателя миссис Маргарита Харрис. Местный художник Джил Уилсон написал к открытию конференции портрет писателя.

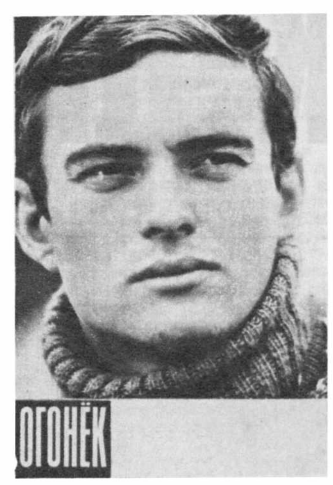
«Фестиваль Драйзера», как называли эту конференцию ее организаторы, продолжался десять дней. За это время здесь было прочитано семнадцать докладов о творчестве писателя, о его художественной манере, о его литературных героях. Открывая фестиваль, глава Индианского университета Морис Таунсенд назвал Теодора Драйзера гигантом американской литературы и культуры. А художник Уилсон, тот, что подарил городу портрет Драйзера, сравнил врагов писателя с шакалами.

А я все думаю: что бы сказал старик шахтер из Логана, если бы его попросили выступить на фестивале? Может быть, он сказал бы так:

— Он был нашим другом. Больше того, он был участником нашей борьбы. Недаром же он написал мне эти слова: «Стукни их разок-другой и за меня, да как следует».

Вашингтон (по телефону).

ЧЕСТИ НЕ ПОСРАМИ

...Над черными полями низкие, серые тучи. Никого. Даже вышагивающих грачей не видно. Короткий миг предосенней поры, когда хлеб убран, свезен под крыши — в амбары, склады, элеваторы, и другой стороной повернулась под плугом к свету земля, и в нее уже легли зерна завтрашнего хлеба.

Обычно в такую пору в селе Хреновом появляется статный офицер — иногда майор, иногда и повыше чином. Остриженные под нулевку парни-новобранцы чуть ломающимся басом успокаивают матерей, робко целуют подруг. Гремит оркестр. И старик Иван Иванович Леваков говорит примерно такие слова: все вы — мои сыны, не посрамите нашей чести.

Такая традиция сложилась в селе Воронежской области. Для знатоков конного дела это село в центре России — жемчужина, родина орловского рысака. Для людей, помнящих годы войны, прошедших ее и осевших неподалеку отсюда,— это родина Володи Левакова, Героя Советского Союза, повторившего подвиг Матросова на польской земле. Вот уже много лет дружат сельчане-леваковцы с солдатами — воинами части, в которой служил Володя. Части, где по сие время на поверках первыми выкликивают имена Владимира и его товарища Николая Носули, совершившего такой же подвиг; в части, где и поныне и навечно стоят в казарме две пустые кровати с портретами их владельцев в изголовье; части, в которую уходят служить Володины земляки...

— Нам очень помогает эта дружба,— говорит Федор Евдокимович Максимов, председатель колхоза «Победа Октября», расположенного в том же селе.— Ребята знают: они не забыты в селе. Вот они — письма, письма из части. И наших столько же писем ушло по солдатскому адресу. Как служишь — расскажи, чем жив колхоз — узнай. Не раз мы были гостями воинов, и всегда, когда присутствуешь на вечерней поверке, слезы подступают, как выкликнут фамилию Володи. И офицеры, а то и несколько солдат-односельчан наносят нам ответные визиты. Что может быть для солдата дороже такой чести, и как это действует на его младших товарищей!.. А отслужил солдат — колхоз уже ждет его. Сразу помощь ему безвозмездная — обживайся. Отличникам службы — еще именные часы. Хорошо у нас работают Иван Горохов, Виталий Колосков — шоферы, Саша Сафонов — этот второй год уже, как с действительной пришел. Или вот Вячеслав Шукпин — агроном нашей второй бригады. Золото, а не парень. Вырос в нашем колхозе без отца — давно уж он умер. Что ни говорите, а матери одной с детьми очень трудно. И от рук иной парень отбиться мог. А Слава не такой, только ему слово скажи — любую работу сделает: в поле ли полоть с женщинами, в свинарник ли с лопатой. Проводили мы его служить. Хвалили командиры: можете, дескать, парнем гордиться. Этой весной срок пришел — демобилизовался, прибыл в колхоз. А у нас только что агронома из бригады забрали — по комсомольской линии, в райком. Говорим мы Шуклину вместе с Петром Гавриловичем Киселевым, партийным секретарем нашим: «Возьмешься, Слава?» А вы знаете, каково агроному, да еще молодому, да еще пока и без высшего образования... И лето у нас не лучшее было. Когда нужно дождя — солнце, когда б солнышка — дождь. Не все пока в нашем деле зависит только от человека. Не все, но многое... Урожай мы взяли полный. Похуже, правда, чем в прошлом году, но и план дали, и обещание выполнили, и еще кое-что сберегли. Была эта страда крещением для Славы, для Вячеслава Митрофановича. А теперь в институт, на заочный. Глядишь, пройдут годы, и станет он у нас командовать наукой...

Через день-другой снова выйдут на поля машины и люди — за картофелем, свеклой. От снега до снега перерывы в поле не длинны. Но день, два, неделю — затишье. Кажется, отдыхают черные поля, даже птица их не тревожит. Но в них зреют зерна.

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

Колхоз «Победа Октября»,
Воронежская область.

БИБЛИОТЕЧКА ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Наступила осень, и снова зажглись окна в клубах, домах культуры; почти везде началась деятельная подготовка коллективов художественной самодеятельности к праздничным концертам, вечерам отдыха, поэтическим вечерам... Идут репетиции новых спектаклей, составляются эстрадные, танцевальные и песенные программы.

В это время — особенно перед молодыми руководителями — возникает множество и методических и творческих вопросов, не говоря уж о заботах, связанных с подбором интересного, свежего репертуара.

И тут нельзя не сказать доброе слово о книгах, ежегодно выпускаемых издательством «Искусство» специально в помощь творческим коллективам.

Эта подписная библиотечка так и называется: «Репертуар художественной самодеятельности».

В книжных магазинах библиотечку не купишь, подписчик же получает за год 24 выпуска. Сюда входит массовая литература, пособия, сборники одноактных пьес, эстрадные и поэтические сборники, а также книги, знакомящие читателя с основными принципами постановочной работы. Среди них многие выпуски привлекают внимание содержательностью разговора.

Немалую помощь окажет режиссерам народных театров — да и шире, вообще организаторам творческой клубной работы — сборник «Воспитание актера», куда входят статьи многих руководителей профессиональных и самодеятельных коллективов, где они дают советы молодежи, делятся практическим опытом.

В каждом клубе бывают рады, если удается хорошо наладить работу танцевального кружка, но это один из самых сложных и трудоемких коллективов. Поэтому очень ценной окажется для участников художественной самодеятельности книга В. Уральской и Ю. Соколовского «Народная хореография». Здесь рассмотрены многие проблемы создания сценических танцев на основе фольклорного материала. А специальный сборник «Танцы народов СССР» поможет самодеятельным танцорам и их руководителям выбрать к постановке новый танец, продумать костюмы и оформление.

Художественные агитбригады, составляющие программы праздничных вечеров, во многом смогут использовать для себя репризы, фельетоны, шутливые сценки и интермедии, стихи и басни, входящие в сборники «Высокое слово — работа», «В сельском клубе», «На веселой волне»... Сюда входят отрывки из классических произведений, представлены поэзия и проза писателей братских республик.

Полезное и нужное дело — подписная библиотечка издательства «Искусство».

Н. ПАВЛОВА

Кадры из заключительных фильмов киноэпопеи «Освобождение».

КИНО

ИМЯ ПОБЕДЫ — НАРОД

Сняты с монтажных столов последние метры кинопленки... Фильм скоро выйдет на экраны кинотеатров, и перед зрителями снова возникнут картины истории, события последних месяцев Великой Отечественной войны, ее финал, суровый и трудный, но все-таки радостный, победный.

Картины «Битва за Берлин» и «Последний штурм» завершают одно из крупнейших отечественных кинополотен — историческую эпопею «Освобождение». Как в предыдущих фильмах, авторский и съемочный коллективы остаются верны жизненной правде тех лет.

...Необыкновенно тяжел последний рубеж. До самой крайней минуты не ослабевает напряженность боя. Гибнут люди, горит земля, рушатся здания. Конец фашистской клики уже предрешен, но тем отчаяннее, тем ожесточеннее сопротивление. Зарывшись глубоко под землю, спрятав себя за тысячетонными громадами железобетона и брони, еще живут, еще мечутся в предсмертной агонии главари гитлеровской банды, еще творят зло...

Следует отметить деталь, характерную для всех эпизодов, всех кинокартин, входящих в эпопею «Освобождение», где зритель встречается с Гитлером и его верхушкой. Встречи эти, как правило, происходят в подземных бункерах, в помещениях, отгороженных от мира толстыми каменными, железобетонными, бронированными стенами. И это символично... Зло творится тайно, заползая в самые глубокие норы, скрываясь от людских глаз... Чем коварнее и ужаснее зло, тем глубже, старательнее оно прячет себя.

Прекрасно отсняты и сыграны эпизоды, изображающие агонию гитлеровской верхушки, которая, сотворив столько преступлений, не умеет даже умереть достойно; она заживо сгнивает, теряя внешний человеческий облик — внутренний-то был потерян давным-давно.

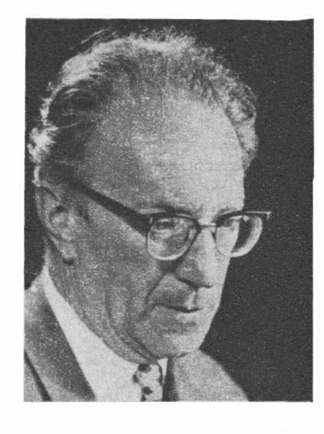
Оба заключительных фильма киноэпопеи «Освобождение» трудно да и не нужно пересказывать. Они состоят из отдельных, ярких эпизодов, связанных только общим напряжением тех ратных месяцев, дней, часов, минут... Напряжение это настолько выявлено, настолько обостренно, что как бы само по себе становится одной из главных сил, определяющих столь философичное и убедительное звучание фильмов.

Маньяк, доживающий последние часы своей жизни, гнилой, трясущийся Гитлер — кстати, блистательно во всех фильмах сыгранный Ф. Дицем,— отдает приказ о затоплении берлинского метро, где нашли пристанище тысячи и тысячи раненых, женщин, стариков, детей... Там, в метро, спасая людей, гибнут советские солдаты. Гибнет и один из героев эпопеи — майор Цветаев (артист Ник. Олялин).

Есть в этом эпизоде такая сцена: спасая людей, советские солдаты организуют выход из метро; сомкнувшись в цепь, удерживают они толпу от паники до последнего момента, помогают гибнущим, жертвуя своими жизнями... И в этой же цепи, сомкнув руки, сдвинув плечи рядом с советскими солдатами, борются — теперь уж за правое дело — солдаты-немцы... Как неоценимо дорого заплатили они за такое позднее пробуждение, думается невольно...

Мы уже говорили выше, что трудно пересказать содержание кинокартин «Битва за Берлин» и «Последний штурм». Но, пожалуй, можно поделиться одним ощущением, которое выносишь из кинозала после просмотра. Ощущение это — в волнениях исторической правды, которая не может не трогать самые потаенные струны человеческого сердца.

С. ЮРЬЕВ

БОЙ НА ЛИНИИ СВЕТА...

Книга лирики «Вера. Надежда. Любовь» вышла в канун шестидесятилетия поэта Сергея Острового. И в ней нет ни одного стихотворения, которое бы повторялось в других его книгах, а их с 1937 года — когда в «огоньковской» библиотечке появился первый его сборник — вышло довольно много.

Эти факты красноречиво говорят о юбиляре — о богатстве его творческих возможностей. Сказываются завидные жизнелюбие и жизнестойкость известного нашего советского поэта.

Может, этой сердечной прочностью, этой душевной широтой одарила его страна детства — славящаяся теми же качествами Сибирь? Ведь о ней и в прошлых и в новой книге — самые добрые слова.

А может, большой человеческой стойкости, твердой песенной походке и в жизненных перипетиях и в стихотворном деле обучила его война? Ведь, пройдя по ее дорогам, поэт сумел остаться человечным человеком.

Когда железо лезло в грязь и в снег
В тупом рывке, в неистовстве упрямом,—
Встал на его дороге Человек
И это все железо сделал хламом...

И песня всегда сопутствовала Сергею Островому. А хорошая песня обладает, ох, какой живучестью! И мысль об этом тоже выносил поэт, зная по собственному опыту, что, хотя: «В нее стреляет миномет. Ее сечет граната»,—

А песня — влёт. И все поет.
И все ведет солдата...
В нее стреляют сто полков...
Висит разрывов проседь...
Но в мире нет таких стрелков,
Чтоб мир обезголосить.

Словом, трудно гадать, какая ценная совокупность условий сделала Сергея Острового поэтом. Но мы этого поэта знаем, мы этого поэта ценим. И это понятно в наш тревожный век. Узнав в военную пору темные пропасти и силой жизнелюбия одолев их, Сергей Островой остался в основе своей мироутверждающим поэтом. Его стихи как бы окрашены светлыми, радостными красками. Вот самые характерные слова в лексике его новой книги: «свет», «светоносны», «светолики».

В свои урожайные годы поэт Сергей Островой по-прежнему остается в светлой струе мироощущения. Такая жизнестойкая позиция дает ему возможность по-граждански правильно высвечивать многие животрепещущие явления нашей современности. И прочно утверждать их.

Сергею Островому шестьдесят. Но это хронологический, а не поэтический возраст. И есть уверенность в том, что новые его поэтические книги будут молоды по духу. И лиричны. И светлы.

З. ДАНЬШИН

РАДИО

ЗДРАВСТВУЙ, ПЕСНЯ!

Редактор «Встречи с песней» Т. Рымшевич и режиссер, ведущий передачи, В. Татарский.

Фото А. ГОСТЕВА.

«Здравствуй, дорогая Встреча» — так начинается почти каждое письмо из того полумиллиона, что уже получили редактор Тереза Рымшевич и Виктор Татарский, ведущий радиопередачи «Встреча с песней». 17 сентября позывные этой популярнейшей передачи — мелодия песни «Одинокая гармонь» — прозвучали в сотый раз.

Слушателей вновь приглашают встретиться с любимыми песнями. А песни эти такие же разные, как люди, вспомнившие о них... «Встреча с песней» не обычная музыкальная передача. Это час раздумий, откровенный разговор о непосредственной связи жизни и искусства. Люди шлют не «заявку» на песню, а делятся своими воспоминаниями, мечтами, горестями, радостями, и получается, что самое важное, самое волнующее в жизни человека связано с песней. Вот эту-то главную песню и хотят люди услышать в своей любимой радиопередаче.

Зачастую слушатели помнят лишь две-три строки песни, они не называют ни композитора, ни поэта, но верят, что «Встреча» поможет им услышать дорогую сердцу мелодию. И работники «Встречи» помогают. Просматривают сотни, тысячи песенных сборников, справочников, перелистывают пожелтевшие страницы фронтовых газет, задают множество вопросов поэтам, композиторам, чтобы найти ту ниточку, которая приведет к старой или забытой песне. Иногда авторы передачи обращаются за помощью к своим друзьям-радиослушателям: «Может быть, кто-нибудь из вас помнит такую песню, помогите ее найти». И происходит обратный процесс: слушатели помогают своей передаче...

Скольким забытым песням дала вторую жизнь «Встреча с песней»! Имена многих авторов стали известны миллионам людей. Была такая фронтовая песня «Дочурка». Пели ее солдаты, каждому была она близка, но никто не задумывался, кем же эта песня создана... Через двадцать лет фронтовики обратились к «Встрече» с просьбой: исполнить «Дочурку» и назвать автора песни. Розыски были долгими, но успешными.

«Встреча с песней» — друг людей, их помощник и советчик в понимании, знании серьезной музыки, народных мелодий... Проблемы, которые поднимает передача, подсказаны самими слушателями и им же адресованы.

Идет передача. Ансамбль имени Александрова исполняет «Вечер на рейде» Соловьева-Седого. Воспоминания о давних военных годах, друзьях, вернувшихся домой или навсегда оставшихся в памяти... Многие молодые по-новому услышат эту мелодию и почувствуют ее напевную и тревожную прелесть... После обсуждения писем каждая песня в передаче словно расширяет свои границы, наполняясь огромным жизненным содержанием.

У «Встречи с песней» — юбилей; на столе редактора поздравительные письма и телеграммы со словами благодарности и самыми теплыми пожеланиями. Мы присоединяемся к ним.

Новых вам песен, друзья!

О. АРТЕМОВА

Виктор РОДИОНОВ

ЗА ФАСАДОМ «СВОБОДНОГО МИРА»

РАБЫ «ПРОЦВЕТАНИЯ»

Четыре миллиона рабочих и членов их семей пересекли в 1970 году границы своих стран, чтобы отправиться в чужие края в поисках работы. Поезда, пароходы, автобусы, грузовики везут людей с юга и востока на север и запад Европы.

Кочующие рабочие. Их армия постоянно растет. Еще десять лет назад они исчислялись тысячами. Сейчас их восемь миллионов. «Восемь миллионов людей работает теперь в странах, которые не являются их родиной, — пишет шведская газета «Дагенс нюхетер», — восемь миллионов с иностранными паспортами. Общее для них то, что все они граждане второго класса, они существуют только как производительная сила». А одна голландская газета назвала их «нашим новым поколением рабов».

Истории нового и новейшего времени известны крупные миграции, такие, например, как массовое переселение на Запад США после второй мировой войны или более ранняя миграция европейцев в Америку. Но в тех случаях люди переезжали на постоянное местожительство. Современные мигранты — это не переселенцы, а кочующие рабочие. Эти люди приезжают в чужую страну, от жителей которой они ограждены языковым барьером, своей нищетой, где обычно они встречают негативное, а порой и враждебное отношение. В Стокгольме их называют «проклятыми иностранцами», в Гамбурге — презрительно «пожирателями спагетти», в то время как западногерманская печать придумала для них лицемерный термин «гости-рабочие».

У «гостей-рабочих», как только они попадают в новую для себя обстановку, нет никакого желания обосноваться здесь постоянно. Они хотят только накопить побольше денег и как можно скорее отсюда уехать.

Мечты о материальном благополучии, о собственном клочке земли на родине, о лучшем будущем для детей заставля миллионы людей сниматься с насиженных мест. Перемещение рабочих идет из менее развитых окраинных районов Европы и Северной Африки к развитым промышленным центрам. На новом месте жизнь их регулируется состоянием экономической конъюнктуры. Они в силу своего бесправного положения представляют для предпринимателей выгодный источник рабочей силы. Их легко набрать, когда возникает потребность, но если идет сокращение производства, их первыми увольняют, не опасаясь социальных конфликтов, поскольку иностранцы не обладают политическими правами.

«Как бы они ни старались, — пишет «Дагенс нюхетер», — они всегда остаются иностранцами, они всегда получают худшую работу, живут в худших условиях, нередко им не позволяют привозить свои семьи. Переселенцы — это жертвы существующей экономической системы».

И в то же время иностранные рабочие стали играть важную роль в хозяйственном механизме тех стран, куда они приезжают на заработки. Благодаря широкой миграции рабочей силы ряд стран Центральной, Западной и Северной Европы сумел на протяжении значительного времени поддерживать высокую деловую конъюнктуру. Наличие дешевых рук иммигрантов в значительной мере устранило недостаток черновой, неквалифицированной рабочей силы, так как они брали на себя работу, от которой отказывались местные жители.

В Париже, например, из 3 800 уборщиков мусора две трети — африканцы. Придя в ресторан или гостиницу Цюриха, вдруг обнаруживаешь, что единственными швейцарцами там являются хозяин заведения и кассир. В Люксембурге 80 процентов всей рабочей силы составляют иммигранты. В Швейцарии насчитывается миллион приехавших рабочих, или почти пятая часть населения страны. В ФРГ их около двух миллионов, но больше всего во Франции — 3,5 миллиона человек. Каждый крупный промышленный центр Франции окружен сооружениями из пустых бочек, которые там прозвали бидонвилли — города из бидонов — обиталища приезжих рабочих.

Жилищная проблема — самая острая для таких людей. Появились ночлежки, где иммигранты-рабочие спят по очереди на одной койке. Но, даже если эти люди готовы снять более сносное жилье, они не всегда могут его получить. Недавно одна шведская газета опубликовала статью о скитаниях семьи рабочего-иммигранта, вынеся в заголовок слова: «Иностранцы не должны жить в нашем доме». В Цюрихе можно увидеть щиты с объявлениями о сдаче жилья. Нередко на объявлениях стоит пометка: «Южанам не сдается».

Находясь в угаре националистического шовинизма, депутат федерального парламента Швейцарии от Цюриха Шварценбах развернул кампанию по выдворению иностранцев из страны. Против его предложения энергично и резко выступили местные промышленники. Газета «Трибюн де Женев» по этому поводу пишет: «Если Шварценбах добьется своего, то швейцарец должен будет снова вернуться на работу». А «Файнэншл таймс» заметила, что принятие предложения Шварценбаха приведет к росту цен на все швейцарские товары, тем самым они станут неконкурентоспособны, страну постигнет экономический крах.

Иначе говоря, кочующие рабочие не только выполняют неблагодарную работу, но и влияют на состояние рынка труда, снижая в целом стоимость рабочей силы. Один французский промышленник заявил, что использование иностранных рабочих помогает ему снизить общие расходы на заработную плату на 20 процентов. Другой в интервью газете «Монд» сказал: «Я предпочитаю приезжих, поскольку они думают только о работе».

Стокгольмская «Афтонбладет» в одном из своих номеров поставила вопрос: «Что будет, если завтра из Швеции уедут все 400 тысяч иностранцев?» Она напоминает, что в металлообрабатывающей промышленности трудится 20 процентов иностранцев, что в Гетеборге каждый второй рабочий в возрасте до 30 лет рожден за пределами Швеции, что в сфере обслуживания приезжие составляют подавляющее большинство...

Если это случится, то остановятся многие машины на предприятиях, в ресторанах некому будет мыть посуду, в экономике воцарится хаос. Поднимутся сразу цены, поскольку возрастет стоимость рабочей силы. Если завтра уедут все иностранные рабочие, это будет катастрофа, говорят руководители предприятий.

«Афтонбладет» справедливо замечает, что, как правило, приезжие рабочие — это молодые люди в расцвете своих сил, что, работая на чужбине, они растрачивают свои лучшие годы.

Английский журналист Антони Сампсон в нашумевшей книге «Анатомия Европы» называет миграцию рабочих «темной стороной европейского процветания». Добавлю от себя, что достигнуто оно в немалой степени за счет миллионов обездоленных, за счет их неблагодарного, низкооплачиваемого труда, за счет их скитаний вдали от семей, на горькой чужбине.

Цюрих — Стокгольм.

Две трети уборщиков мусора в Париже — африканцы.

Его участь — чистить краны общественного пользования.

Испанский рабочий в Брюсселе.

Это жилье в Мюнхене обходится иностранным рабочим в сто долларов в месяц.

Фото из журнала «Тайм».

Занятия по военной подготовке на одной из партизанских баз.

Учитель школы-интерната.

О. ИГНАТЬЕВ.

Фото автора.

МОЗАМБИК: ВИНТОВКА И КНИГА

Эти снимки сделаны летом 1971 года на освобожденной территории Мозамбика.

Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) вот уже семь лет ведет вооруженную борьбу против португальских колонизаторов, за свободу и независимость. Почти полностью освобождены три провинции страны: на севере — Кабу-Делгаду и Ньяса, на западе — Тете. В этих районах в руках португальцев еще пока находится ряд баз и опорных пунктов, но большинство населения живет на освобожденной территории, где созданы органы народной власти, работают школы, госпитали, сельскохозяйственные кооперативы, интернаты, существуют народная милиция и отряды самообороны.

В минувшем году португальская пропаганда развернула широкую кампанию в международной прессе и у себя в стране, громогласно объявив о начале «решающего генерального наступления на позиции ФРЕЛИМО в трех провинциях». Разрекламированное «наступление» не принесло желаемых результатов, и в нынешнем году лиссабонские власти вновь объявили о начале «решающего генерального наступления на позиции ФРЕЛИМО в трех провинциях», которое должно было «развить успехи», достигнутые в прошлом году. Рекламная машина португальской военщины была запущена в апреле этого года, а 20 мая командующий португальскими войсками в Мозамбике генерал Каулза де Арриага без тени стыда заявил, что португальские войска «полностью контролируют границу в районе Кабу-Делгаду...».

Я имею полное право назвать заявление вояки Арриаги бесстыдной ложью, потому что 24 июня со ста двадцатью партизанами спокойно днем пересек границу в районе Кабу-Делгаду и прошел за последующие десять дней по территории провинции около трехсот километров.

За время пребывания на мозамбикской земле я убедился, что подлинный и единственный хозяин провинции — ФРЕЛИМО, единственная власть, признаваемая народом,— ФРЕЛИМО и все потуги португальских колонизаторов разглагольствовать об «успехах» в наступлении на ФРЕЛИМО — блеф.

За последние годы мне неоднократно приходилось бывать в тех странах Африки, где идет вооруженная борьба против колонизаторов. После поездок обычно задают один и тот же вопрос: «Что на вас произвело самое сильное впечатление?» Могу сказать, что, как в Гвинее (Бисау) и Анголе, в Мозамбике меня больше всего поразила четкая организация гражданской власти на освобожденных территориях и высокая, сознательная дисциплина в партизанских отрядах патриотов.

И еще тяга к знаниям. За дни путешествия по земле Мозамбика мне приходилось часто посещать различные школы. Деревенские, где занимались детишки, начиная от четырехлетнего возраста и лет до четырнадцати, где классов было всего два: первый и второй. Школы-интернаты, где за партами вместе с десятилетними ребятами постигали азы счета и письма откомандированные на учебу бывалые воины, командиры партизанских подразделений. Профессиональные школы, где бывшие бойцы, потерявшие здоровье на фронтах освободительной борьбы, приобретали новые, гражданские специальности. И было видно, насколько серьезное внимание обращает руководство ФРЕЛИМО на подготовку национальных кадров.

Все увиденное в провинции Кабу-Делгаду еще больше укрепило мою уверенность в том, что колонизаторы будут изгнаны из Мозамбика. Об этом свидетельствует ход развития боевых действий, обстановка на освобожденных территориях, усиливающаяся помощь ФРЕЛИМО со стороны африканских государств, стран социалистического лагеря и в первую очередь Советского Союза, поддержка ФРЕЛИМО прогрессивными и демократическими силами мировой общественности. Те крупные и мелкие подачки, которые подбрасывают лиссабонским властям страны НАТО для ведения грязной колониальной войны в Африке, лишь дают отсрочку колониальному режиму, но ликвидация его, несмотря ни на что, неизбежна, неотвратима.

Я представляю себе, что когда народ Мозамбика станет хозяином всей своей земли, то в эмблеме нового государства рядом с винтовкой или автоматом поместят книгу. Мне кажется, что эмблема должна будет выглядеть именно так: винтовка и книга.

Может быть, это чисто субъективное восприятие виденного, но когда вспоминаю Мозамбик, то перед глазами встают вооруженные партизаны, деревенский учитель у школьной доски и дети, хором читающие написанные мелом слова: «Наша родина будет свободной».

„ОКАМЕНЕВШАЯ ДЕВУШКА"

Лет пятнадцать назад по городу Куйбышеву вдруг пополз слух, что на улице Чкалова, в частном домике, на квартире Клавдии Петровны Болонкиной, произошло чудо. Там была вечеринка, и одна из девушек, оказавшись без кавалера, совершила кощунство: взяла из переднего угла образ угодника божьего Николая Мирликийского и закружилась с ним в вихре танца. И вдруг грянул гром, погас свет, во мраке засверкали молнии, все в страхе пали ниц, а когда очнулись, обнаружили, что девушка с иконой окаменела и приросла к полу, — невозможно было ни сдвинуть грешницу с места, ни вынуть из ее рук икону.

В числе первоисточников этого нелепого слуха любители чудес почтительно называли некую «болезную Аграфену, на которую почти каждый вечер нисходит божья благодать».

Как ни странно, но жаждущих чуда и просто любопытных оказалось совсем немало, и толпа зевак нарушила нормальную жизнь обитателей обычно тихой и малолюдной улицы. Окна в доме повыбили, самые напористые ломились в квартиру. Перепуганная домовладелица до хрипоты доказывала им, что никакой вечеринки она не устраивала, икон в доме не держала и не держит и показать любопытным «окаменевшую отроковицу» не может за неимением таковой.

На помощь Клавдии Петровне вынуждена была прийти милиция. И, чтобы разубедить не в меру легковерных горожан, сотрудники милиции разрешили им зайти в квартиру и убедиться в том, что она пуста. Однако и это подействовало не на всех. Появилась новая версия.

— Увезли! Вырубили с половицей и увезли!

— А почему же тогда пол целый? — спрашивали усомнившиеся.

— Исчезло все! На то и чудо! — «парировали» наиболее восторженные защитники этой версии.

В конце концов страсти улеглись, и люди разошлись по домам.

При всей его нелепости происшествие это можно объяснить. Причин тут несколько.

Первая из них — потребность в таком «чуде», которую все более и более остро ощущают наиболее ревностные «чада церкви», с глубокой тревогой наблюдающие за тем, как почва уходит у них из-под ног. Червь сомнения гложет души их менее стойких единоверцев, которые все чаще и чаще задаются вполне естественным и логичным вопросом: если прежде господь творил чудеса, почему он ныне не сотворит хотя бы самое маленькое чудо, дабы укрепить пошатнувшуюся веру?

Вторая причина — религиозный «микроклимат» того района города Куйбышева, где стоит дом К. П. Болонкиной. Здесь находится церковь.

И, наконец, третья причина — бывший обитатель дома, с которым сочинители сказки об «окаменевшей девушке» и связали свою выдумку.

Примерно в середине 30-х годов хозяином четвертой части этого дома стал Серафим Федорович Пекло, приехавший в Куйбышев из Днепропетровской области. Судьба этого человека сложилась необычно. Он был православным священником, потом добровольно сложил с себя сан, уехал в поволжский город и поступил работать на швейную фабрику. О новом жителе города и его судьбе быстро проведали религиозные фанатики, прихожане здешней церкви. Возмущению их не было границ. Они устроили настоящую блокаду жилища «богоотступника».

С. Ф. Пекло не выдержал этой благочестивой травли и в 1947 году, продав К. П. Болонкиной свою часть злополучного владения, уехал на Дальний Восток.

Новая хозяйка, человек одинокий, вела довольно замкнутый образ жизни. Работала она продавщицей гастронома, церковь не посещала и не скрывала своих антирелигиозных убеждений. Это еще более подливало масла в огонь. Видимо, потому-то сочинители сказки о чуде и избрали дом на улице Чкалова местом действия. По всей вероятности, они руководствовались такими соображениями: дабы показать всем свое всемогущество, господь избрал для нового деяния дом, в котором жил великий грешник, в этом всемогуществе усомнившийся и даже отрекшийся от бога.

* * *

Кто же стал распространителем этой нелепой басни? Не только верующие-фанатики, но и просто безответственные люди.

Вот, например, В. И. Почуйкин, бывший мастер на заводе «Автотрактородеталь», лет десять назад бросивший работу ради «служения господу». «Служение» Почуйкин понимал весьма своеобразно: нередко в церкви он собирал вокруг себя верующих и толковал библию, стараясь «увязать» ее тексты с современностью, которую он и не понимал и не принимал.

Разумеется, история с «окаменевшей отроковицей» пришлась по сердцу Почуйкину. Он неустанно распространял ее во множестве рукописных экземпляров, привнося, естественно, массу неведомых ранее «подробностей». С легкой руки Почуйкина безымянная отроковица обрела наконец имя. Сочинение его получило конкретный заголовок — «Стояние Зои».

Почуйкин подробно излагал, как перед «окаменевшей Зоей» отслужили молебен. Попытались было «вырубить» Зою топором, но из половиц фонтаном ударила кровь, а из глаз грешницы — слезы. Тогда вызвали врача. Он сказал, что «пульс бьется, а сама каменная», попытка сделать укол окончилась неудачей, ибо шприц сломался. Любопытно, что для этой сказки был использован реальный факт: 18 января 1956 года к кому-то из жителей улицы Чкалова действительно была вызвана машина «Скорой помощи».

«Стояние Зои», по уверению Почуйкина, затянулось до ближайшей пасхи. На пасху какой-то благочестивый старец, добившись, чтобы его впустили к грешнице сотворить молитву, «размягчил» ее, а сам исчез. Оживленная же святой молитвой Зоя после этого умерла.

У сказочника Почуйкина появились конкуренты. Престарелая Агафья Трухова стала опровергать Почуйкина, утверждая, что Зоя вовсе не умерла. Возвращенная к жизни молитвами отшельника, она была отправлена в Москву для исследования. В столице великое чудо повторилось: Зоя вновь приросла к полу больничной палаты. Причем на этот раз окаменела лишь частично — не может сдвинуться с места, но может есть. Из рук людей, однако, пищи не принимает. Кормят мученицу белые голуби, залетающие в открытое окно.

Не отстают от Почуйкина с Труховой и «барды» из других городов и районов: там родились новые версии «стояния». По одной из них молитвы отшельника помогли страждущей не больше, чем молитвы священника. «Говорят, что окаменевшая девушка стоит среди комнаты и поныне. И взять ее никак и ничем невозможно. Этот дом якобы обтянут черным полотном, и перед ним стоит охрана», — сообщает в письме Батраков, житель села Синцева, Пензенской области.

В компании благочестивых сочинителей оказались и неверующие, пораженные весьма распространенным недугом — желанием во что бы то ни стало, любым способом стать хоть на час центром внимания. За очевидцев чудесного «стояния» выдавали себя в Куйбышеве медицинская сестра психоневрологического диспансера Сорокина, работники центрального городского телеграфа Елисеева и Сысуева. Эти «очевидцы» рассказывали простодушным слушателям о застывшей с иконой девушке, но в конце концов выяснилось, что ничего, кроме скопления людей возле дома на улице Чкалова, они не видели.

Письма, которые до сих пор приходят в Куйбышев в адрес различных областных организаций, не могут не тревожить.

Одно из них прислано комсомолкой-старшеклассницей из Воронежской области Таней Т. Непосредственно и искренне Таня делится своими сомнениями.

«Я комсомолка,— пишет Таня,— и, конечно, как и все комсомольцы, не верю в бога. Но ведь мало одного неверия, нужно уметь доказать людям, что бога действительно нет... Сегодня у нас произошел спор с одним из рабочих завода, где мы проходим практику. Он заявил, что сам в бога не верит, но все же не может утверждать ни того, что его нет, ни того, что бог есть. «Мне,— говорит,— никто не сумел доказать, что бога нет, но вывода я, дескать, сделать не могу, так как сам не убедился». Разумеется, мы... стали всячески доказывать, что бога нет, употребив все свое красноречие. Но тут он и рассказал нам то, из-за чего, собственно, я и пишу Вам. (Далее следует краткое изложение сочинения Почуйкина.— **Ж. Б.**). Я, разумеется, не поверила этому рассказу. Но оказалось, что у многих есть родные или знакомые в Куйбышеве, которые писали то же самое. Пришла в голову мысль: что, если это действительно было, хотя я и сейчас не верю...

Мне советуют написать знакомым, «они-де лучше знают». Я очень Вас прошу, ответьте мне, пожалуйста... оставлять это все невыясненным я уже просто не могу. Еще и еще раз прошу: помогите, пожалуйста, разобраться. Это очень важно для нас. Будем ждать ответ с огромным нетерпением».

* * *

Одноэтажный домик К. П. Болонкиной стоит в глубине двора, в окружении трех таких домов под тем же номером. Жильцы их

Полностью очерк «Окаменевшая девушка» будет опубликован в одном из ближайших номеров журнала «Наука и религия».

по сей день вынуждены терпеть малоприятное внимание паломников, которые слоняются по двору, бесцеремонно заглядывают в окна, пристают с расспросами. Даже меня обитатели дома сочли паломницей и предупредили, что «осматривать» можно только со двора, а если я попытаюсь проникнуть в злополучную квартиру, неизбежен скандал: хозяйка нервная.

Узнав, что я корреспондент, К. П. Болонкина, пожилая, полная женщина, сильно разволновалась, и ее, конечно, можно было понять. То какие-то люди с лопатой и мешками долго слоняются по двору: они приехали запастись «святой землей». Этой землей они щедро собираются делиться с верующими у себя дома... То очередной турист, скорее всего просто бестактный ротозей, «хочет осмотреть внутреннее убранство квартир», а так как его желание не разделяется хозяевами, происходит стычка, и «пострадавший» бежит в милицию, где ему деликатно разъясняют, что негостеприимные жильцы нанесли «оскорбление» при смягчающих их вину обстоятельствах.

— Житья нет,— жаловалась Клавдия Петровна,— незнакомые люди буквально лезут в комнаты. Никакие уговоры не действуют!..

В квартире № 8 живет пенсионерка Александра Григорьевна Орехова, бывший почтальон. Она женщина верующая и посещает церковь. Узнав, где она живет, околоцерковная публика вот уже на протяжении многих лет неустанно убеждает ее «сознаться» и поведать пастве «все, как было». Но Александра Григорьевна — надо отдать ей должное — мужественно стоит за правду:

— Ничего не было — ни вечеринки, ни иконы, ни девушки!

— А ты перекрестись, что не врешь!

Орехова крестится.

— Да простит тебя господь! Великий грех берешь на душу. Продалась! Подписку дала молчать.

— Прежде,— вспоминает А. Г. Орехова,— распускали слух, будто дом наш оцепили колючей проволокой, а жильцов выселяют. Есть у нас такая тетя Катя — вы ее в церкви можете увидеть,— повстречала она мою племянницу и говорит: «Беги скорее к тетке, сама видела, как ее на поселение отправляют». Та, конечно, бежать со всех ног. Прибежала ко мне испуганная, отдышаться не может. А я сижу у окошка, чай пью.

Хозяйка квартиры № 2 пенсионерка Виктория Викентьевна Зубович в отличие от А. Г. Ореховой — атеистка. В 1956 году она работала бухгалтером в городском трамвайном парке. Среди товарищей по работе некоторые верили в чудо и полагали, что окаменевшая продолжает оставаться на прежнем месте. Считая своим долгом разубедить их, Зубович предлагала: «Заходите в гости, я вам докажу, что это вздор».

— У меня,— вспоминает Виктория Викентьевна,— с церковными «активистами» прямое столкновение вышло. Слушала-слушала я все эти разговоры, а потом зашла как-то раз в церковь, когда службы не было, и — к ним. «Зачем вы,— говорю,— такие басни распространяете? Ведь я сама в этом доме живу». Но они не стали слушать. Закричали: «Свят! Свят!» — и стали открещиваться, как от дьявола, а потом по знаку церковного старосты подхватили меня под руки, вытащили из церкви и толкнули так, что я еле на ногах устояла. После этого пустили новую утку. Она, говорят, недавно живет здесь, ничего не знает.

На другой день Виктория Викентьевна вручила мне письмо в редакцию, отпечатанное на машинке и заверенное в нотариальной конторе.

— Это для самых недоверчивых,— сказала она. — Для тех, кто станет утверждать, что и письмо вы за меня написали и вообще меня на свете не существует.

* * *

Много воды утекло с тех пор, как бывший священник С. Ф. Пекло, продав дом, уехал за тридевять земель. Но нравы наиболее ревностных богомольцев мало изменились.

До сих пор для большего воздействия на психику верующих священники в Куйбышеве используют так называемые жития святых. Причем легенды из житий в проповедях осовремениваются, подаются так, словно все это случилось совсем недавно и где-то неподалеку.

Священник Парфенов, например, поучая паству, использовал легенду о разбойнике, ставшем святым. В его изложении легенда звучала так. Один человек жил недостойно, грабил и убивал. Но под конец жизни он осознал тяжесть своих преступлений, обратился с молитвой к богу. Бог внял ему. И когда грешник умер, свершилось чудо. Над могилой показавшегося воссиял свет. Люди заметили свет, раскопали могилу и обнаружили в ней нетленные мощи.

Это повествование вызвало живейшую реакцию аудитории. Раздались умильные восклицания богомолок, которые, бесспорно, не замедлили поделиться «новостью» со своими близкими.

После этого вряд ли приходится удивляться тому, что люди, привыкшие внимать подобным проповедям, легко могут уверовать и в «окаменевшую отроковицу».

Мы привыкли к мысли, что религия держится на гигантском арсенале «чудес», относимых к временам прошлым. Но, как видите, религия предпринимает и контратаки на атеизм: старые сказки пополняются новыми, сочиненными в наши дни... Впрочем, можно ли в данном случае говорить о каком-либо оригинальном вымысле? Вряд ли... Новые «чудеса» являются лишь перепевом древних христианских легенд, как было и со «стоянием Зои». Библия повествует о том, что бог покарал жену Лота за любопытство, обратив ее в соляной столб; сочинители «чуда», о котором шла речь в этой статье, подставили вместо жены библейского праведника современную советскую девушку. Вот и вся разница... И какими бы дикими и нелепыми ни были выдумки фанатиков, вроде той, что родилась в Куйбышеве, у проповедников и защитников христианства нет никаких оснований отмежевываться от этих фанатиков.

Ж. БЕРЕЗОВСКАЯ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

СОВЕРШЕННО ПО-ДИКОМУ

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Сергей ВОРОНИН

Бывать в санаториях на юге мне, конечно, приходилось, но всегда одному, а тут мы с женой, вернее, она со мной, надумали вместе подлечиться. Знаете ли, возраст, кости мозжат. Ну, а к тому же спокойнее (жене), друг у друга на глазах, и все эти анекдотики о разных курортных любовях нам, как говорится, ни к чему. Но одно дело — решить, другое — выполнить. Так, чтобы две путевки, да еще в одно место, да еще в одно и то же время,— несбыточная мечта. Или, иными словами говоря, такая удача, как если бы в спортивное лото все шесть номеров совпали. Приуныли мы с женой, а чего сделаешь? Но тут как раз приезжает ее двоюродная сестрица, трижды разведенная, весьма деловая женщина. Она в свое время вокруг Европы путешествие совершила по туристской путевке и в Париже ковер приобрела. Так вот она и говорит нам:

— Эх, вы, чудаки! Да это ж проще простого! Езжайте «по-дикому».

— Это как же «по-дикому»? — спросила жена.

— А без путевки.

— Без путевки?

— Ну да. Это в сто раз удобнее, чем по путевке. Ну, скажи, куда тебе толстеть? — Это спросила она меня.— А в санатории ты непременно будешь толстеть, потому что там, что ни подадут на стол, все съедаешь. Потому как жалко оставлять. А «по-дикому», хочешь — ешь, хошь — не ешь. Сам хозяин своим деньгам. К тому же что вы, голодные, чтобы на юг за едой мотаться?

«Верно!» — подумали мы с женой.

— Следующий вопрос — жилье. Что в санатории? В одиннадцать — отбой. В восемь — подъем. Жуть! А на частной квартире, когда пришли, когда ушли — ваше дело. Я всегда снимаю отдельную комнату. Удобно. Хочу — одна сплю, хочу... В общем, очень удобно!

«Верно! — подумали мы с женой.— А то, чего еще не хватало, за свои-то деньги да еще живи по расписанию... Зарядку делай...»

— Следующий вопрос — лечение. Самый для вас главный. Ванны или грязи. Должна сказать, что в некоторых водогрязелечебницах «дикарю» даже отдают предпочтение перед «законником», то есть перед тем, кто по путевке. Оно и понятно: от «законника» никакого прибытка, а «дикарь» рупь в клюв — и будь здоров, лежи в ванне, набирай радоны.

— В какой клюв? — спросила жена.

— Метафора. Значит, в руку. Сегодня «по-дикому» самое современное лечение. Так что езжайте и лечите свои кости.

Ну, как ехали, рассказывать не буду. Неинтересно. А вот когда стали подъезжать к станции назначения, тут следует подробнее остановиться.

Значит, так: сидим мы с женой в купейном, глядим на мелькающую южную природу. Радуемся: у нас зима, а тут зелень, солнце, теплынь. Но где-то пошевеливается и тревога: как, мол, мы устроимся, выйдет ли все так ладно «по-дикому», как нам представила сестрица?.. И вдруг, знаете ли, с грохотом открывается дверь, и к нам в купе входит высотою до потолка и вся в черном восточного типа женщина и гортанным голосом спрашивает:

— Путевка? «Дикарь»?

Честно говоря, я оробел. С самого начала в этом «по-дикому» я чувствовал что-то от мошенничества, хотя никогда таким делом не занимался.

— Нет... мы... так...— дрожащим голосом пролепетала жена.

— Так! — вскричала женщина и хлопнула в ладоши.— У ме-

ня будешь жить! Ты тоже у меня будешь жить! — крикнула она мне.

— Он мой муж,— сказала жена.

— Твой муж, не твой муж — не мое дело. Комната с отдельным входом. Кто пришел, кто ушел — твое дело.

— Скажите, а как с лечением? — спросил я.

— Ха! Все будет! Если тебе массаж надо, я буду делать массаж.— Она захохотала и протянула ко мне большие, длинные руки.— Все сделаем. Будь спокоен.

И она действительно сделала все. Взяла без очереди машину, правда, это мне стоило три лишних рубля.

Комната несколько разочаровала нас: оказалась маленькой, темноватой, но в конце концов стоит ли из-за какого-то месяца придавать значение таким мелочам! Зато обрадовало другое — цена. Шестьдесят рублей с газом, тогда как в других домах комнаты — шестьдесят без газа.

— Ну, теперь дело за ваннами,— оживившись, сказала жена.

— Завтра все будет. Приготовьте по рублю, заверните в газетку. И отдыхайте.

Ночью мы спать не могли. Рядом с домом проносились электрички и почему-то, поравнявшись с окнами нашей комнаты, издавали резкий, ушераздирающий звук.

— Это без привычки,— утешила нас хозяйка,— я ничего не слышу. Привыкнешь — тоже не будешь слышать. Пошли лечиться!

Мы с женой пощупали в карманах завернутые в газетные клочки рубли, взяли полотенце и пошагали за хозяйкой.

Как позднее выяснилось, всех корпусов с ваннами было восемнадцать. Мы начали с первого. Хозяйка, усадив нас на скамейку возле входа, пошла договариваться кое с кем, кто должен был взять у нас рупь и пустить в ванну.

Вернулась хозяйка быстро.

— Собака! — гневно сказала она.— Пусть у нее всегда будет болеть зуб! Ха! — Она хлопнула в ладоши.— Идем во второй!

Тут мы просидели долго, около часа.

— Собака! — гневно сказала хозяйка.— Пусть и у этой будет всегда болеть зуб! Идем в третий корпус.

Но и в третьем корпусе ей не удалось договориться. И в четвертом тоже. И всем, кто не хотел брать наш рупь, хозяйка желала, чтобы у них всегда болели зубы.

Повезло нам только в девятом.

— М-му! — в восторге чмокнула губами хозяйка.— Самый хороший человек здесь! Пусть ему всегда будет солнце! Сейчас выйдет, посмотрит, запомнит и потом вызовет в ванну. Сидите, я ухожу.

Мы сидели еще долго, прежде чем из корпуса вышла старая, сутулая женщина в халате. Она окинула нас хмурым взглядом и отрывисто сказала:

— Входите Садитесь у дверей.

Робея, мы вошли с женой в корпус. Присели на диван у входа. И стали терпеливо ждать, когда нас пустят в ванны. Но сестра, как видно, не очень-то спешила удовлетворить наше желание. Больше того, она, похоже, позабыла про нас, перебирала какие-то бумажки, уходила, приходила, садилась за стол и даже не глядела в нашу сторону.

— Кашляни. Напомни ей про нас,— сказала жена.

Я кашлянул. Раз, еще раз! Но сестра даже не подняла головы, будто не слышала.

Между тем через равные промежутки времени к нашему корпусу подкатывали автобусы с «законниками», и «законники», оживленно переговариваясь, чувствуя себя полновластными хозяевами, расходились по кабинам, а мы с женой только поглядывали на них и молили господа бога, чтобы никто не обратил на нас внимания.

Только часа через три, когда схлынул поток «законников», сестра обратила на нас свой взор и спросила:

— Ваша фамилия?

Назвать настоящую — Соколов — я как-то постеснялся и назвал первую подвернувшуюся — Петров. Она записала ее, и снова для нас потянулось томительное ожидание. Я стал уже подремывать, когда прозвучала среди других фамилий и фамилия Петров. Жена шла под своей фамилией. И как только ее назвали, она тут же встала и ушла, а я сидел.

— Петров!—прозвучало уже более раздраженно.

Но так как я был Соколов и совсем забыл, что я Петров, то сидел и никак не реагировал.

— Вы что, глухой, а? — глядя на меня с ненавистью, сказала сестра.— Почему молчишь? — И, взяв у меня ловко и незаметно рубль, впустила в кабину.

Первая ванна прошла нормально, за ней вторая, и постепенно мы стали привыкать к своему нелегальному положению. Правда, каждый раз уходило много времени на ожидание, ну, а что же поделать? Было и еще одно, что угнетало меня,— это моя дурацкая выдумка с фамилией Петров. Теперь уже я боялся: если случайно подвернется какой-либо знакомый и, зная меня как Соколова, узнает, что я теперь Петров, что он подумает? И не заявит ли об этом в милицию?

От всего этого у меня начались перебои сердца. Стучит, стучит, знаете ли, ровно, а потом вдруг словно с горы сорвется. И сон стал тревожный, ну, это потому, что я никак не мог привыкнуть к сигналам электричек. Жена тоже. И все же мы не жаловались на судьбу. Но вот наступил такой день, когда сестра влетела ко мне в кабину и свистящим шепотом сказала, чтобы я скорей вылезал и прятался. Я, как был, голый, вылетел из ванны, сестра тут же сунула мне в руки мое белье и закрыла меня портьерой. Ни живой ни мертвый стоял я, прислонясь к холодной, липкой стене, и слышал, как Некто заходил в кабины и мягким басом спрашивал больных об их самочувствии. Наступила минута, когда он поравнялся с моей кабиной и уже хотел было войти, но сестра вовремя сказала, что там никого нет. С этого дня у меня начался нервный тик. Жена поначалу думала, что я подмигиваю женщинам, но мне, честно говоря, было не до этого.

Лечение завершилось для нас совершенно неожиданно. Наша сестра ушла в отпуск и ничего не наказала своей преемнице. Мы же, как всегда, пришли в свой корпус и сели у входа.

— Вы из какого санатория?— тут же спросила нас новая сестра.

Я довольно быстренько к ней подскочил и сказал, что я «дикарь» и что меня здесь пускают за рупь.

Ну, как я бежал по дорожкам парка без оглядки, описывать не буду. Неинтересно. Только скажу одно: с этого дня я стал припадать на левую ногу. Иду, знаете ли, и вдруг она подвернется, и я чуть ли не падаю.

На этом курс лечения был завершен. Мы недоприняли каждый по десять ванн. И не дожили десять дней. Я заикнулся было, чтобы хозяйка вернула нам — все же не шутка!— двадцать пять рублей. Но хозяйка резонно заметила:

— Я тебя не гоню. Живи.

Но я не хотел жить. Я хотел домой. Жена тоже.

Ну, как собирали вещи, добирались до вокзала (на автобусе), рассказывать не буду. А вот что я узнал, слоняясь в ожидании поезда по вокзальной площади, стоит рассказать. Может, пригодится кому.

Рядом с вокзалом оказалось «Бюро услуг». От нечего делать я пошел взглянуть, чем же это таким услуживает людям это бюро.

У окошечка, за которым находился работник бюро, стояло человек пятнадцать — двадцать. Как позднее выяснилось, «дикарей». И каждый «дикарь» протягивал работнику свой паспорт, и тот тут же, понимаете ли, тут же, давал несколько адресов, чтобы «дикарь» мог выбрать себе жилье по вкусу, и еще — это меня, собственно, и доконало — он давал направление в поликлинику, где «дикаря» должны были обеспечить курсовкой.

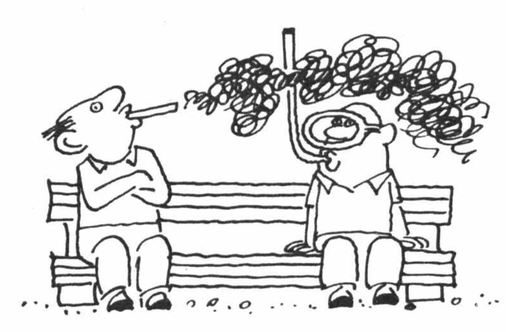
— Позвольте! — вскричал я.— О какой курсовке идет речь?

— О самой обыкновенной,— ответил один из «дикарей».— Если без питания, то стоимость ее — двадцать рублей, а если с питанием, то...

После этого у меня отнялся язык. И я молчал до самого дома, до той самой минуты, когда к нам явилась двоюродная сестрица жены. Тут я обрел дар речи.

— Собака! — сказал я ей.— Собака! Пусть у тебя будет всегда болеть зуб! Всегда! — Но этого мне было мало, мне чего-то еще хотелось, и тогда я крикнул: — Вон!

И потом еще долго кричал, когда ее уже не было, и с каждым точно найденным словом чувствовал, как мне становится легче и жизнь обретает прежний ясный смысл.

Без слов.

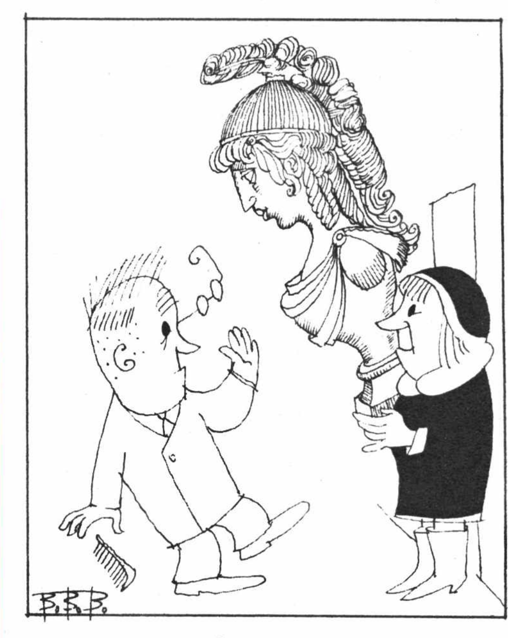
Заслушался.

Рисунки Ю. Черепанова.

— Еду в командировку в Сочи...

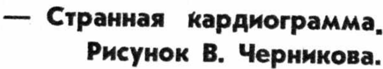
Рисунок Б. Боссарта.

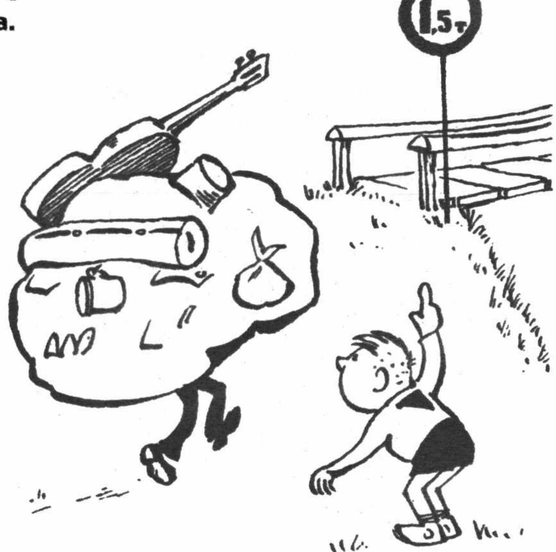
— Как будем причесываться!
— Я принесла образец.

Рисунок В. Воеводина.

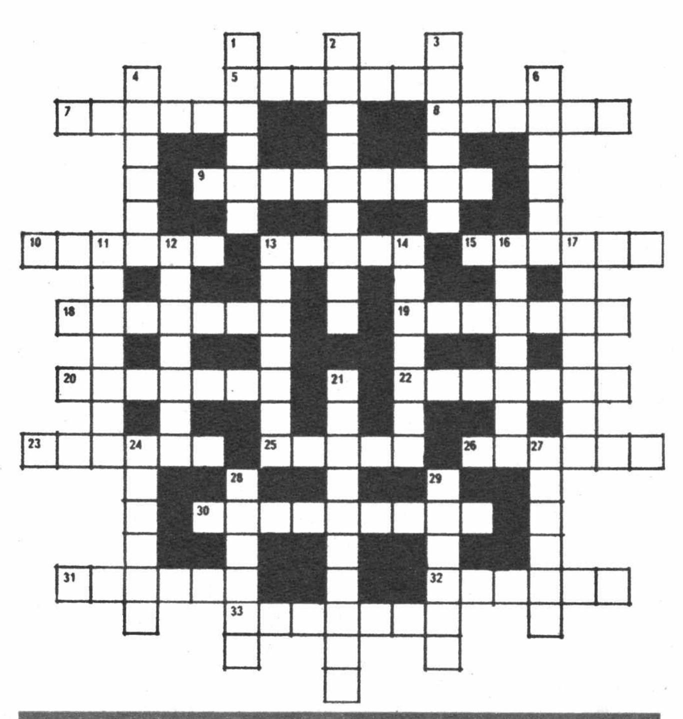
— Странная кардиограмма.
Рисунок В. Черникова.

— Папа, сними часть груза...
Рисунок В. Тамаева.

Моды сезона.
Рисунок Ю. Черепанова.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Оперная трилогия С. И. Танеева 7. Пролив между Европой и Азией. 8. Предмет для гимнастических упражнений. 9. Наука о собаках. 10. Курорт в Крыму. 13. Единица измерения времени. 15. Город в Италии. 18. Приток Нижней Тунгуски. 19. Ночная птица. 20. Столица Цейлона. 22. Автор повести «Ташкент — город хлебный». 23. Музыкальный интервал. 25. Вулкан на острове Хонсю. 26. Рассказ М. Горького. 30. Голландский живописец и график XVII века. 31. Часть речи. 32. Цветок. 33. Русская народная сказка.

По вертикали: 1. Открытая галерея с колоннами. 2. Движущаяся лестница. 3. Птица семейства тетеревиных. 4. Оттиск с гравюры. 6. Русский поэт XIX века. 11. Советская балерина. 12. Органическое удобрение. 13. Персонаж романа И. С. Тургенева «Накануне». 14. Река на Кольском полуострове. 16. Высота боковой грани в правильной пирамиде. 17. Черный тополь. 21. Краевой центр в РСФСР. 24. Народный поэт Азербайджана. 27. Многоместный пассажирский самолет. 28. Сельскохозяйственная машина. 29. Действующее лицо оперы С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали: 5. Мясковский. 8. Радищев. 9. Пловдив. 10. Лаборант. 17. «Полтава». 18. Шарабан. 19. Параллелограмм. 21. Винклер. 22. Рассада. 23. Виктория. 28. Витраж. 29. Октава. 30. Транзистор.

По вертикали: 1. Тасеева. 2. Никулин. 3. Ампир. 4. Айова. 6. «Гамлет». 7. Широта. 11. Багульник. 12. Анемометр. 13. Солярий. 14. «Квартет». 15. Сарафан. 16. Шаланда. 19. Пукирев. 20. Маслова. 24. Иравади. 25. Иркутск. 26. Ртуть. 27. Кайра.

На первой странице обложки: Вячеслав Шуклин, агроном комплексной бригады колхоза «Победа Октября», Воронежской области (см. в номере заметку «Чести не посрами »).

Фото Л. Шерстенникова.

На последней странице обложки: Это стало традицией — к памятнику-монументу советским воинам и партизанам — освободителям Брянска приходят молодожены (см. в номере репортаж «Брянские высоты»).

Фото А. Гостева.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

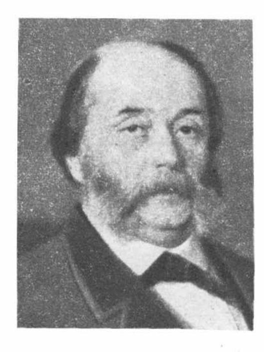
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 31/VIII-71 г. А 00605. Подп. к печ. 14/IX-71 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1788. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1797.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПРИЛОЖЕНИЕ К «ОГОНЬКУ» НА 1972 ГОД

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И. А. ГОНЧАРОВА В 6 ТОМАХ

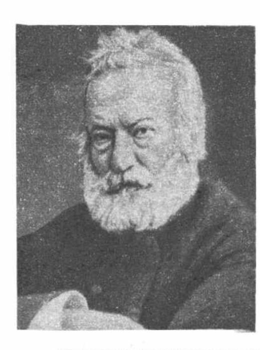
ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ.
ФРЕГАТ «ПАЛЛАДА».
ОБЛОМОВ.
ОБРЫВ.
ПОВЕСТИ. СТАТЬИ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. Н. ТОЛСТОГО В 8 ТОМАХ

ЧУДАКИ.
ХРОМОЙ БАРИН.
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ РАЗНЫХ ГОДОВ.
АЭЛИТА.
ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА.
ЭМИГРАНТЫ.
ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ.
ПЕТР ПЕРВЫЙ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В. ГЮГО В 10 ТОМАХ

СТИХОТВОРЕНИЯ.
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПРИГОВОРЕННОГО К СМЕРТИ.
КЛОД ГЕ.
СОБОР ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ.
ОТВЕРЖЕННЫЕ.
ТРУЖЕНИКИ МОРЯ.
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СМЕЕТСЯ.
ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД.
ДРАМАТУРГИЯ.

Собрания сочинений будут иллюстрированы.

Кроме того, выйдут в свет 24 книги советских и иностранных писателей в малой «Библиотеке «Огонька».

Редакция журнала «Огонек» и издательство «Правда» подписку не производят.

Творчество мастера книжной графики Саввы Бродского хорошо знакомо любителям литературы и искусства. Художник иллюстрировал произведения Проспера Мериме, Виктора Гюго, Стефана Цвейга, Александра Грина, Роберта Льюиса Стивенсона... Последние три работы были выполнены для литературных приложений «Огонька».

Замечательна работа С. Бродского по иллюстрированию изданий для молодежи. Художник выполнил интересные серии рисунков к популярным, любимым нашим юношеством произведениям: «Как закалялась сталь» Николая Островского, «Овод» Этель Войнич и «Спартак» Рафаэлло Джованьоли — по заказу издательства «Молодая гвардия». Это большая творческая удача мастера, раскрывшая редкую широту возможностей его таланта иллюстратора.

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения великого французского писателя Гюстава Флобера.

На днях выходит в свет первый том четырехтомного собрания сочинений Гюстава Флобера, издаваемое в литературных приложениях «Огонька».

Журнал знакомит своих читателей с циклом иллюстраций художника Саввы Бродского к этому изданию.

Драма Эммы Бовари, отразившая цинизм и бездушие буржуазного общества, и трагическая история борьбы Карфагена в эпическом романе «Саламбо»; лиризм повести «Простая душа» и истинно французский юмор повествования о двух чудаках, Буваре и Пекюше,— все это разнообразие содержания, настроения, характеров правдиво, выразительно и точно по проникновению в литературный текст предстает в 32 графических листах художника С. Бродского, проиллюстрировавшего прозу Гюстава Флобера.

И здесь мы снова видим лучшие черты яркого таланта С. Бродского-иллюстратора: благородный лаконизм, емкость художественных образов, подлинная профессиональная культура.

Сам художник говорит, что для него эта работа была праздником. И думается, что праздник встречи с большим, настоящим искусством ожидает всех, кто будет читать книги Флобера с иллюстрациями С. Бродского.

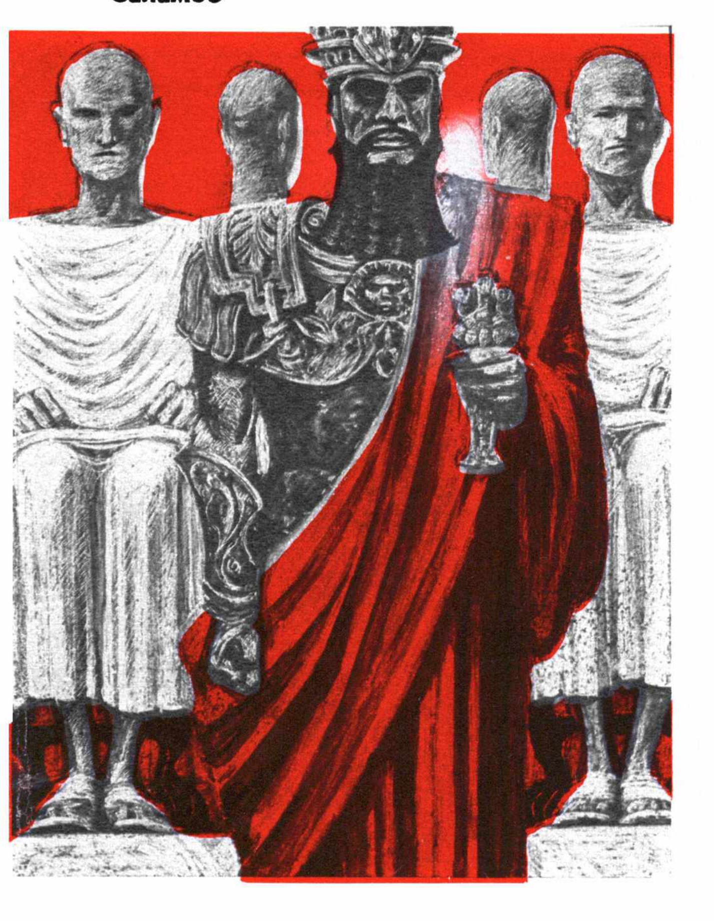
Н. ЖУКОВ,
народный художник СССР

ВСТРЕЧА С

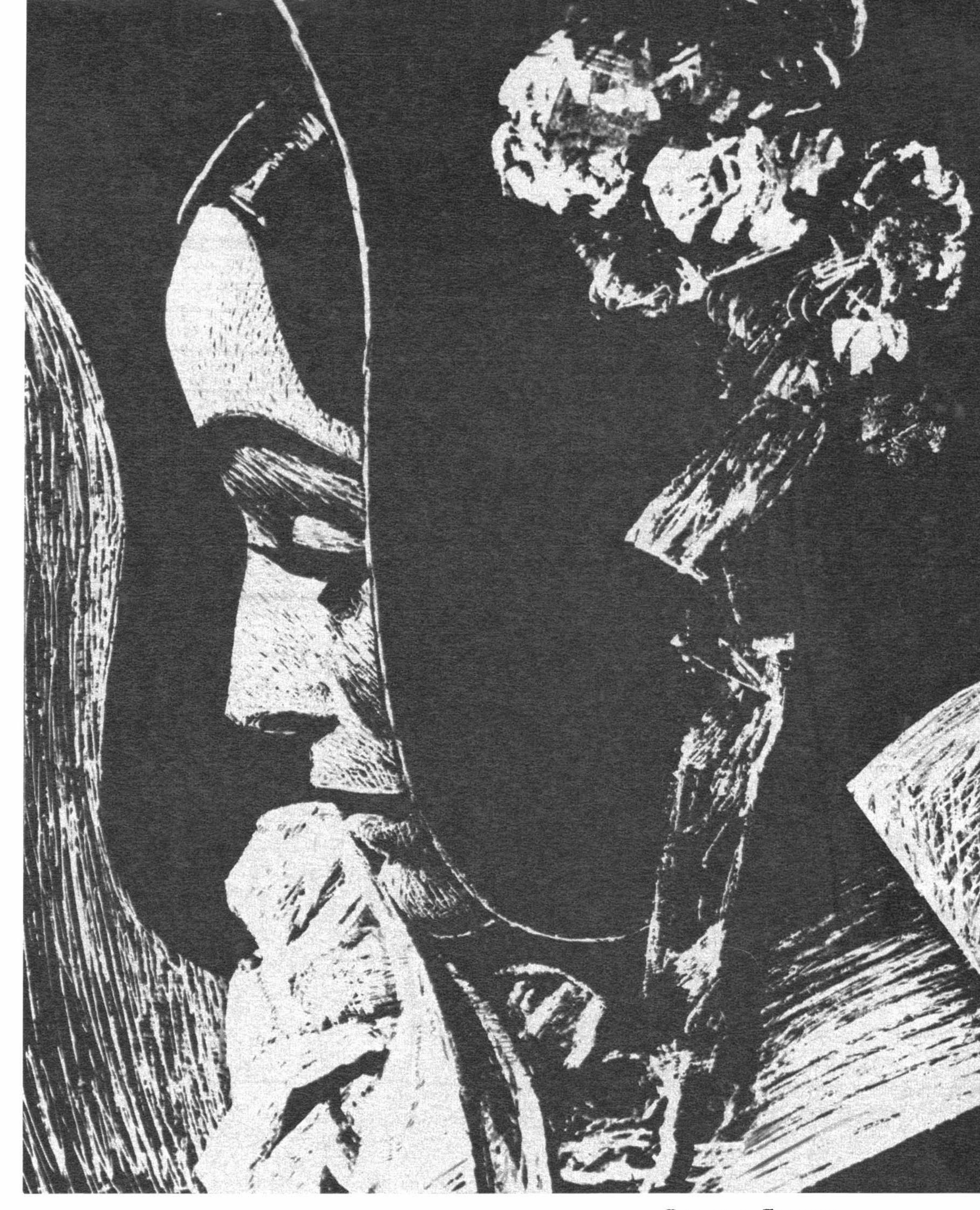
Воспитание чувств

Саламбо

Госпожа Бовари

Простая душа

Бувар и Пекюше

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.